

АНДРЕЙ ЭКЗЕМПЛЯРСКИЙ

ВЛАДЕТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

ВЛАДИМИРСКИХ И МОСКОВСКИХ УДЕЛОВ
И ВЕЛИКИЕ И УДЕЛЬНЫЕ ВЛАДЕТЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ
СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКИЕ, ТВЕРСКИЕ
И РЯЗАНСКИЕ

ВЕЛИКИЕ И УДЕЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ СЕВЕРНОЙ РУСИ
В ТАТАРСКИЙ ПЕРИОД

1238

1505

Б И О Г Р А Ф И Ч Е С К И Е
О Ч Е Р К И

Андрей Экземплярский

**Владетельные князья
Владимирских и Московских
уделов и великие и удельные
владетельные князья Суздальско-
Нижегородские, Тверские и
Рязанские. Великие и удельные
князья Северной Руси в
татарский период с 1238 по 1505 г.**

«Центрполиграф»

2019

УДК 93/94
ББК 63.3

Экземплярский А. В.

Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. / А. В. Экземплярский — «Центрполиграф», 2019

ISBN 978-5-227-07880-3

Цель фундаментального исследования русского историка Андрея Васильевича Экземплярского, как определил ее сам автор, – «дать занимающимся русской историей справочную книгу для одного из самых важных и любопытных, но едва ли, можно сказать, вполне исследованных и обработанных периодов русской истории, периода татарского». Чтобы оценить грандиозность и значение труда Экземплярского, необходимо учесть, с какими трудностями пришлось столкнуться автору из-за относительной скудости и краткости летописных источников исследуемого периода. Для уяснения событий той эпохи автору было необходимо разобраться в непростых отношениях князей друг к другу, к их народу и, наконец, к татарам. Буквально на каждом шагу Экземплярскому приходилось встречаться с пробелами хронологии, генеалогии, географии и проводить вспомогательные исследования по этим направлениям.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-227-07880-3

© Экземплярский А. В., 2019

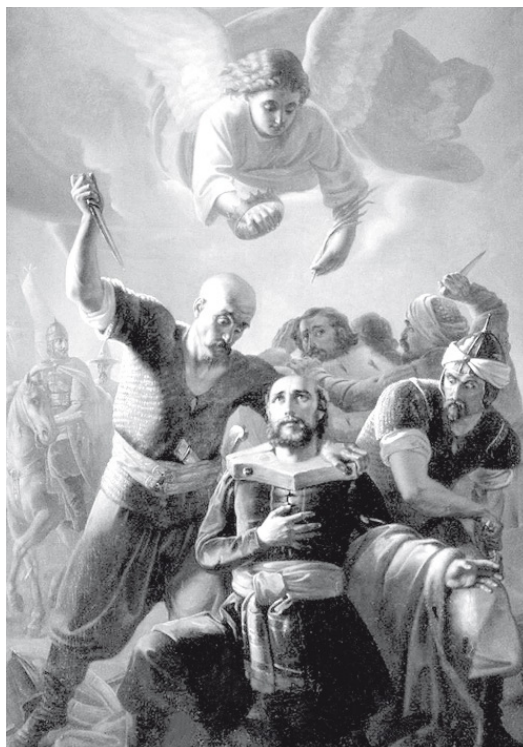
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Предисловие	8
Удельные владетельные князья Владимиро-Московских уделов	9
Удельное княжество Переславское	9
Иван Димитриевич	11
Удельное княжество Ростовское	14
Князья Ростовские	14
Василько Константинович	17
Борис Василькович	19
Глеб Василькович	20
Димитрий Борисович	20
Константин Борисович	22
Василий Константинович	24
Юрий Александрович	24
Князья Ростовские старшей линии рода Василия константиновича	25
Федор Васильевич	25
Андрей Федорович	26
Князья Ростовские младшей линии рода Василия Константиновича	29
Константин Васильевич	29
Иван и Глеб Константиновичи	31
Василий Константинович	31
Александр Константинович	32
Владимир Константинович	32
Андрей Александрович	32
Федор Александрович	34
Иван Александрович	35
Удельное княжество Ярославское	37
Собственно ярославские владетельные князья	38
Всеволод Константинович	38
Василий Всеволодович	40
Константин Всеволодович	41
Федор Ростиславич Черный	41
Давид и Константин Федоровичи	45
Василий Давидович Грозный	45
Василий Васильевич	47
Глеб и Роман Васильевичи	47
Иван Васильевич	48
Федор Васильевич	49
Александр Федорович Брюхатый	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Андрей Экземплярский
Владетельные князья Владимирских
и Московских уделов и великие
и удельные владетельные князья
Суздальско-Нижегородские, Тверские
и Рязанские. Великие и удельные
князья Северной Руси в татарский
период с 1238 по 1505 г. Биографические
очерки по первоисточникам и
главнейшим пособиям. Том 2**

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2019

Предисловие

Если в первом томе при передаче биографических данных о великих князьях, летописные известия о которых и разработка их и полнее, и сравнительно больше обследованы, часто приходилось встречаться с некоторыми недоумениями, требовавшими многих справок, чего не видно в окончательной отделке работы, и все-таки не избежать, говоря вообще, некоторых неточностей и ошибок, – то при выполнении второй части этого труда таких недоумений и справок по ним должно было быть и действительно было еще больше: об этом должен говорить не автор этого труда, а сам материал и существующая разработка его в исторической литературе. Автору придется только радоваться, если строго укажут – к лучшему выяснению дела – на его промахи и ошибки, в которых он не сомневается. Но при этом желательно обратить внимание на *corrigenda* настоящего тома, чтоб между ним и каким бы то ни было читателем не было лишних недоразумений. К чему может привести невнимание чье бы то ни было к *corrigenda*’м, показывает, например, такой, многим, вероятно, известный случай: у С.М. Соловьева в III томе его «Истории» оказалась опечатка – вместо Мстислава Даниловича Волынского явился Мстислав Василькович. Г. Шилов, составитель указателя (ключа) к истории Соловьева, внес и того и другого не только в названный указатель, но и в родословные таблицы к той же «Истории» Соловьева.

Андрей Экземплярский
Санкт-Петербург, ноябрь 1890 г.

Удельные владетельные князья Владими́ро-Московских уделов

Удельное княжество Переславское

Переславль-Залесский, теперь уездный город Владимирский губернии, расположен на неровной болотистой местности по берегам р. Трубеж при ее впадении в озеро Плещеево, называвшееся в древнее время Клециным или Клешниным¹; оно называлось и называется еще, по городу, Переславским; название Залесский город получил от окружавших его в древности дремучих лесов², этим он отличается от Переславля южного (в нынешней Полтавской губ.), называвшегося в древности Русским от положения своего в Руси или на Руси, как по преимуществу называлось Киевское княжество, или земля полян, даже тогда, когда титул Великого княжества перешел на княжество Владимирское; отличается и от Переславля Рязанского, что на р. Трубеж, основанного в 1095 г.³

Время основания Переславля неизвестно; однако наши историки и географы относят основание его Юрием Долгоруким к 1152 г.⁴, хотя не совсем верно: он существовал и до указанного года. В летописях под 1152 г. говорится, что Юрий Долгорукий «град Переславль от Клещина перенесе и созда больши стараго, и церковь в нем постави камену св. Спаса»⁵. Из этих летописных известий видно, что в 1152 г. уже существовавший город только перенесен Юрием Долгоруким с одного места на другое. Итак, город основан ранее 1152 г. Таким образом указанные летописные известия еще не дают нам права считать основателем Переславля Юрия Долгорукого. Правда, в пользу последнего, как основателя города, у наших историков есть и другой аргумент. Говорят, что, постоянно стремясь на юг и не достигая своей цели – господства в Киевской Руси, сын Мономаха хотел, так сказать, повторить, воспроизвести Южную Русь на севере, почему и давал основываемым им городам, а также рекам, названия рек и городов южных: так, город, поставленный им на озере Клещине, он назвал Переславлем, а реку, на берегах которой расположен этот город, – Трубежем... Русский Переславль, как уже замечено выше, стоит также на р. Трубеж. Но у нас есть еще третий, Рязанский Переславль, стоящий также на р. Трубеж. Чтобы быть последовательным, надо приписать основание и этого Переславля также Юрию Долгорукому, а между тем Рязанский Переславль, как сказано выше, основан в 1095 г., когда Юрию Долгорукому было лет 7–8 и когда он, следовательно, не мог строить городов.

В Переславле еще в начале XIX столетия можно было видеть весьма заметные следы древних укреплений, слабые остатки которых можно распознать и теперь. Город был окружен земляным валом вышиной от 5 до 8 саж.; в окружности этот вал имел 1037 саж. Одна сторона Переславля имела природное укрепление – огибалась р. Трубеж, а с прочих сторон город был окружен большим рвом, наполненным водой. На валу в древности был деревянный, так называемый рубленый город, двойная стена и двенадцать деревянных башен, в трех из них были ворота: Спасские, Никольские и Рождественские. Из города к Трубежу проведен был тайник или подземный ход, следы которого указывают и теперь. Этот вал в 1759 г. за ветхостью был срыт по указу Сената. Внутри этого вала теперь находится, в частности, соборная церковь Преображения Господня, построенная из белого камня в 1152 г. Юрием Долгоруким; внутри этого храма находятся гробницы последнего переславского князя Ивана Димитриевича и его отца⁶. Таким образом, Переславль-Залесский представлял весьма солидную для того времени и надежную крепость, которая часто в бурное время междукняжеских усобиц или неприятель-

ских нашествий на Северную Русь служила убежищем для великих князей, которые поэтому и дорожили ей: они часто возобновляли укрепления Переславля: так, в 1194 г. «заложил великий князь Всеволод Переславль у озера июля 29-го; того же лета и срублен»⁷, т. е. Всеволод Юрьевич соорудил укрепления. Последующие князья, как, например, Димитрий Иванович (Донской) (в 1369 г.), также возобновляли укрепления этого города⁸.

Теперь мы должны были бы приступить к передаче фактов, касающихся Переславля как княжеского города, из которого образовалось удельное княжество Переславское. Но следует сказать предварительно хотя бы несколько слов о составе этого княжества.

Надо заметить, что прямых указаний на этот предмет в летописях мы не находим, да и те косвенные указания, которые находим в источниках, чрезвычайно скудны. Вот они. В 1215 г. Ярослав Всеволодович прибыл в Новгород, по просьбе самих новгородцев, и вскоре приказал схватить новгородского тысяцкого Якуна Зуболомича, а также новоторжского посадника Фому Доброшничина, «и поточи я в Тверь» в оковах⁹. Очевидно, Тверь принадлежала ему. Затем при нападении на Торжок и Бежецкий Верх литовцев в 1245 г. хищников преследовали в числе прочих тверские воеводы Явед и Кербет, с тверичами и дмитровцами¹⁰. Из этого можно с достоверностью заключить, что и Дмитров принадлежал переславскому князю. Принадлежали ли ему еще какие-либо волости, неизвестно. Профессор Сергеевич к Твери и Дмитрову прибавляет еще Нерехту¹¹, но мы не знаем, упоминается ли даже Нерехта в летописях раньше XV в.¹² Вот все, что можно сказать о составе Переславского княжества. Остается добавить только, что Тверь и Дмитров принадлежали Переславлю только до 1246 г., т. е. до смерти Ярослава, который назначил своим сыновьям уделы, и тогда из Твери образовался особый удел, а Дмитров примкнул к Галичу.

Нельзя не заметить, что Переславль после образования Великого княжества Владимирского стал как бы необходимой принадлежностью последнего: великие князья сажали в нем или сыновей, или самых близких родичей: так, в 1176 г. сын Юрия Долгорукого Михалко посадил там своего брата Всеволода, будущего великого князя¹³; затем, когда по смерти Михалка (1177) владимирцы посадили Всеволода на великокняжеский стол¹⁴, Переславль примкнул к личным владениям великого князя: в 1190 г., когда у Всеволода родился сын Ярослав, великий князь был «в Переславля на полюдьи»¹⁵. В 1201 г. Ярослав послан был отцом в южный Переславль, но в 1206 г. он был изгнан оттуда, а по возвращении в Суздальскую землю получил Переславль-Залесский и владел им до занятия в 1238 г. великокняжеского стола. После этого в Переславле мы видим Ярослава сына Александра, который в то же время периодически занимал и стол Новгородский¹⁶. Александр Ярославич занимал Переславль до занятия им великокняжеского стола; после этого в Переславле мы видим сына его Димитрия. По занятии великокняжеского стола после смерти Ярослава (в 1246 г.) Святославом Всеволодовичем, последний рассажал своих племянников Ярославичей по городам, «яко же и брат уряди, Ярослав»¹⁷. Ясно отсюда, что Ярослав перед смертью назначил каждому из сыновей по уделу, и воля его была приведена в исполнение Святославом. Так как Александр Ярославич сидел в Переславле не только при отце, но и при великих князьях – его преемниках, очевидно, он получил Переславль в удел по завещанию отца. Несмотря, однако, на его неоспоримое право на Переславль, младшие братья, великий князь Андрей и князь Тверской Ярослав Ярославичи, как можно с полной уверенностью заключать из летописных известий, покушались отнять у него, в 1252 г., его удел, рассчитывая, возможно, на то, что он удалится в данный ему в 1249 г. Киев. Попытки их, однако, не оправдались, и Александр не только удержал за собой Переславль, но и занял великое княжество¹⁸. По смерти Александра Невского Переславль занимал его сын Димитрий. До 1293 г., будучи великим князем (он два раза занимал великокняжеский стол), Димитрий Александрович спокойно владел Переславлем. Но в указанном году против

него составила коалиция из удельных князей во главе с его братом Андреем, и ему пришлось удалиться из Переславля, который вслед за тем занят был союзником Андрея Федором Ростиславичем, князем Ярославским. В 1294 г. Димитрий Александрович примирился с Андреем, которому уступил великокняжеский стол, и на пути в свой Переславль скончался¹⁹, где и был погребен.

Биографии всех вышеупомянутых князей, владевших Переславлем, за исключением Всеволода Юрьевича, который по времени его жизни не входит в круг наших очерков, помещены в первом томе в числе великих князей Владимирских, каковыми были и они. Но все ли они могут считаться удельными переславскими князьями? Что касается Всеволода Юрьевича, то он за краткое время своего пребывания в Переславле (в 1175 г. сел там, а в 1176 г. избран на Владимирский стол) не успел ознаменовать своей деятельности ничем. Следующий за ним переславский князь, сын его Ярослав, действует уже вполне самостоятельно: так, он, «слушая неких льсти... мыслять противитися Юрию брату своему», великому князю; затем во всей деятельности Ярослава до занятия им великокняжеского стола проявляется всегда и везде полная самостоятельность. Но можно ли и его назвать удельным владетельным князем? Да и вообще с какого времени можно считать князей, сидевших в тех или других городах, владетельными? И на основании каких актов они становились самостоятельными, а следовательно, и владетельными? Решение этих вопросов не входит в нашу программу, а потому вместо ответа заметим только, что мы будем считать владетельными князьями всех удельных князей, т. е. таких, в фактическом владении которых был город, который дал название уделу и общее прозвище князьям этого удела. Таким образом, начиная со времени покорения Руси монголами, удельными переславскими князьями были:

1. Александр Ярославич Невский с 1238 по 1252 г.
2. Димитрий Александрович с 1253 по 1294 г.
3. Последним удельным князем Переславским с 1294 по 1302 г. был сын Димитрия Александровича Иван.

Иван Димитриевич **1276²⁰ – ум. в 1302 г**

Иван Димитриевич, старший из троих сыновей Димитрия Александровича, великого князя Владимирского, начинает упоминаться в летописях с 1293 г. В этом году Андрею Александровичу удалось оклеветать старшего брата, отца Ивана Димитриевича, перед ханом, который дал ему сильное войско во главе с Дуденем; кроме того, Андрей привлек на свою сторону Димитрия Борисовича Ростовского с сыном, который был еще младенцем или отроком, брата его Константина Углицкого, Михаила Глебовича Белозерского и Федора Ростиславича Ярославского. Димитрию Александровичу не под силу было бороться с объединенными князьями, которым помогали татары, и он бежал сперва на Волок, а потом – в Псков к своему зятю, псковскому князю Довмонту²¹. Андрей и его пособник Федор Ярославский поделили волости так: первый взял себе Владимир и Новгород, а последний – Переславль-Залесский. По уходе татар Димитрий Александрович пытался пробраться в Переславль, но не совсем удачно: сам он хотя и успел бежать в Тверь, но обоз его попал в руки Андрея. Старший брат вынужден был при посредстве тверского князя просить мира, который и был заключен: Димитрий уступил Андрею великокняжеский стол, а сам удовольствовался своей отчиной Переславлем. Примирившись с братом, Андрей «возвратися в Торжок, а Волок опять возврати к Новугороду, а князь Иван Димитреевичь сяде на Костроме»²².

Андрей из Торжка пошел в свой Городец, а Димитрий Александрович – к Волоку²³, направляясь в Переславль²⁴. Дело было, кажется, так. Когда Димитрий Александрович бежал

сначала в Волок (принадлежавший ему, см. ниже), а потом в Псков, объединенные князья сочли свое дело выигранным; Федор Ярославский в награду за пособничество Андрею получил Переславль, бывший в отчинном владении Димитрия. Но когда братья примирились и Димитрий вынужден был уступить великокняжеский стол младшему брату, последний возвратил ему его отчину Переславль, из которого, следовательно, князь Ярославский должен был удалиться. Удаляясь, Федор Ростиславич, конечно, с досады, выжиг этот город. Следует иметь в виду, что Волок, по некоторым известиям²⁵, был уступлен новгородцами Димитрию еще в 1284 г., и в нем, надо полагать, сидел сын Димитрия Иван. Но по миру, заключенному братьями, Переславль переходил к своему отчиннику, а Волок возвращался новгородцам. Потому-то, вероятно, Андрей и дал Кострому Ивану Димитриевичу²⁶.

Со смертью Димитрия Александровича на Переславль могли претендовать двое князей: Иван Димитриевич как на отчину и Андрей Александрович в качестве великого князя. Первый, как это можно заключать из последующих событий, поспешил занять свою отчину. Владимирский сейм 1296 г. и поездка Ивана Димитриевича в том же году в Орду объясняются, кажется, именно спором дяди и племянника из-за Переславля. Но перейдем к фактам.

По занятии Андреем Александровичем великокняжеского стола князья Суздальской земли разделились на два лагеря: в одном мы видим самого великого князя, Федора Ростиславича Ярославского и Константина Борисовича Ростовского; в другом – Михаила Ярославича Тверского, Даниила Александровича Московского и Ивана Переславского. Летописи замечают, что в 1296 г. между великим князем и троими князьями противного ему лагеря произошло «нелюбие»; из Орды прибыл ханский посол, и князья собрались во Владимире для решения споров о распределении княжений: князья, как видно, сильно разгорячились в спорах, так что только «за малым Бог упас кровопролития», и то благодаря не послу, который присутствовал на съезде, а владимирскому владыке Симеону и сарскому Измаилу²⁷. Но съезд, как видно, кончился ничем. По крайней мере, в том же году Иван Димитриевич отправился, конечно, по тем же делам в Орду, поручив блюсти свою отчину Михаилу Ярославичу Тверскому²⁸. Андрей хотел воспользоваться этим и напасть на Переславль, но сторонники Ивана Димитриевича, Даниил Московский и Михаил Тверской, выступили против него к Юрию и преградили ему путь к Переславлю. Князья начали переговоры и в конце концов примирились²⁹.

В 1301 г. князья опять съехались, на этот раз в Дмитрове, «о княжениях, и бысть молва велия». Здесь оказался раскол в лагере, противном Андрею: князья вообще поделались вотчиной и «взяша мир межю собою», а Иван Димитриевич и Михаил Ярославич почему-то «не dokonчали межю собою»³⁰.

К тому же году относится известие, что Иван Димитриевич «заратися» с князем Константином (Ростовским, конечно), но «смири их владыка Семен»³¹. Не видно, из-за чего вышла эта распря, и неизвестно даже, до или после Дмитровского съезда она произошла, так как известие о ней стоит одиноко среди других, не относящихся к этим князьям.

В следующем, 1302 г. 15 мая Иван Димитриевич, «тих, и кроток, и смирен, и любовен, и милостив», скончался в Переславле и положен в Спасо-Преображенском соборе³².

Иван Димитриевич был женат (с 1292 г., по одним летописям, и с 1296 г. – по другим) на старшей дочери Димитрия Борисовича, князя Ростовского, неизвестной нам по имени³³. От этого брака детей он не имел, почему и завещал свою отчину младшему из дядей, Даниилу Александровичу Московскому, которого любил «паче всех»³⁴.

После смерти Ивана Димитриевича Переславль уже не имел своих отдельных князей, а управлялся княжескими наместниками: так, Даниил Александрович вскоре после кончины Ивана послал туда своих наместников, которые выгнали оттуда наместников его старшего брата, великого князя Андрея. Правда, по смерти Даниила мы видим в Переславле его сына

Юрия, но он, конечно, был там только для защиты города от покушений на него великого князя. Иногда великие князья Владимиро-Московские отдавали его в кормление пришлым князьям: так, в 1379 г. Дмитрий Иванович (Донской) дал Переславль пришедшему к нему на службу князю Трубчевскому Дмитрию Ольгердовичу; Василий Дмитриевич, в 1406 г., отдал его литовскому князю Александру Ивановичу Нелюбу, а в 1408 г. – также литовскому князю Свидригайлу и пр.³⁵

Удельное княжество Ростовское

Князья Ростовские

Ростов, в летописях называемый Великим³⁶, теперь уездный город Ярославской губернии, расположенный на низком, ровном берегу озера, по Нестору, Ростовского³⁷, позднее называвшегося Неро, а у мордвы в старину Каово³⁸, относится к числу древнейших русских городов: с ним мы встречаемся на первых же страницах начальной летописи, где он упоминается наряду с другими древнейшими городами: Новгородом, Полоцком, Белоозером, Муромом, Черниговом и Любечем³⁹.

Известий о времени основания Ростова не сохранилось; знаем только, что он существовал уже до призвания Рюрика. Последний по смерти братьев своих «прия власть» один и «раздал мужем своим грады»; одному из таких мужей он и дал Ростов⁴⁰. Отсюда же видно, что Ростов сделался владением первых князей вскоре по их прибытии. Хотя из летописи и не видно, чтобы меря, а следовательно, и Ростов участвовали в призвании князей, тем не менее краткость времени и легкость (так это выглядит по летописным сказаниям), при которых произошло присоединение Ростовского края к Новгороду, заставляют думать, что меряне не чужды были, говоря вообще, того движения, которое произошло в среде новгородских славян, а также и родственных мерянам племен финских – веси и чуди, в пользу призвания князей извне. Это тем более правдоподобно, что варяги еще до призвания князей брали дань не только с чуди и славян, но и с мери, которая, следовательно, давно уже была знакома с варягами⁴¹.

Не осталось и преданий или сказаний о происхождении Ростова. По нашему мнению, некоторые, указывая на это, как на признак сравнительно глубокой древности⁴² этого города, поступают нерезонно: древность Ростова засвидетельствована уже начальной летописью. Только позднейшие наши грамотеи, составители временников и отдельных сказаний XVII в., измыслили Росса – основателя Ростова⁴³.

Что касается происхождения самого названия Ростов, наши ученые, конечно, на основании аналогичных примеров, производят его от собственного личного имени Роста: Ростов – город Роста, как, по известному сказанию, Киев – город Кия⁴⁴.

Так как Ростов при Рюрике появляется уже со своим славянским именем, надо полагать, что Ростовская область еще задолго до призвания Рюрика была колонизирована новгородскими славянами. Первоначальными же насельниками этого края, как и соседнего с ним, теперешней северо-западной части Владимирской губернии, были меряне – финское племя: «перввии насельници... в Ростове – меря»⁴⁵.

При Рюрике после смерти его братьев и при его первых преемниках Ростов управлялся князьими мужами или наместниками и по важности своей стоял в одном ряду с другими древнейшими городами, о которых мы упоминали выше: так, Олег по мирному договору 907 года требовал с греков «укладов» и для Ростова наряду с упомянутыми выше городами⁴⁶.

Управление Ростовом великокняжескими мужами продолжалось до конца X в. Владимир Святой в 988 г., раздавая города в уделы сыновьям, Ростов дал Ярославу. Когда же в 1010 г.⁴⁷ Ярослав перешел в Новгород на место сидевшего там до того времени его старшего брата Вышеслава, Владимир посадил в Ростове Бориса⁴⁸. В 1015 г. Борис был убит сводным братом своим Святополком⁴⁹. По изгнании Святополка в 1019 г. Ростов оставался за великим князем Ярославом Владимировичем, по смерти которого, по некоторым известиям, он вместе

с Суздаlem и Белоозером достался переславскому князю (Переславля Киевского, иначе русского) Всеволоду Ярославичу⁵⁰. Есть указания на то, что Ростовская земля переходила к брату Всеволода Святославу Черниговскому: так, под 1071 г. в летописи есть известие о голоде на Ростовской земле, где в то время Ян, сын Вышаты, собирал дань для князя Святослава⁵¹. Далее Ростовская область перешла к Владимиру Мономаху, который посадил там своих сыновей. В 1095 г., когда Новгород, где сидел сын Владимира Мстислав, нужно было отдать изгнанному из Смоленска Давиду Святославичу, Владимир Мономах послал Мстислава в Ростов, откуда тот в том же году опять ушел в Новгород, где Давида невзлюбили и показали ему путь⁵². В следующем, 1096 г., когда Олег Святославич подступал к Мурому, сидевший там сын Владимира Мономаха Изяслав, готовясь к обороне, послал «по все Суздалю и Ростову, и по Белозерцы», а Олег со своей стороны послал сказать Изяславу: «Иди в волость отца своего Ростов, а то [т. е. Муром] есть волость отца моего». В произошедшей затем у города битве Изяслав был убит, а Олег, принятый муромцами, пошел на Суздаль и Ростов: и ростовцы, и суздальцы «вдашася ему». Вскоре из Новгорода прибыл на Ростовскую землю Мстислав Владимирович и выгнал Олега не только из Ростова и Суздаля, но и из Мурома при помощи подошедшего с юга младшего брата Вячеслава, с которым были половцы⁵³.

Ростовская область, как наследственная в роде Всеволода, досталась потом внуку последнего Юрию Владимировичу Долгорукому. Хотя этот князь много положил труда для гражданского устройства Ростовской области – ставил новые города и селения, строил в них церкви, монастыри и пр., тем не менее он постоянно устремлял взор свой на свой любимый юг, на Киевскую Русь, на Киев. Попытка его удержать за собой южный Переславль в 1132 г., чтобы занять потом Киев, не удалась: его выгнал оттуда его брат, великий князь Ярополк⁵⁴. В 1135 г. Юрий выпрашивает Переславль у того же Ярополка, которому взамен отдает Суздаль и Ростов и «прочую волость свою, но не всю»⁵⁵. Впрочем, через год Юрий опять возвращается в Суздальскую отчину, так как в Переславле Ярополк посадил другого брата, Андрея⁵⁶.

В 1149 г. Юрию удалось наконец занять Киев, где, однако, он не мог долго держаться без сильной рати, и в 1151 г. должен был целовать крест Изяславу Мстиславичу и Вячеславу Владимировичу на том, чтобы ему оставить в Переславле сына Андрея, а самому удалиться в Суздаль, который после занятия Киева в 1149 г. он отдал сыну Васильку. Юрий ушел на Альту, откуда сын его Андрей отправился в Суздаль; сам же Юрий, вопреки договоренности, вскоре занял Переславль, но вскоре же вынужден был снова оставить его и удалиться в Суздаль, посадив в своем Городеце (Городец Остерский, Вострьский – на р. Остре, недалеко от Вышгорода) сына Глеба. В следующем, 1152 г. Юрий, будучи в Ростове и узнав, что Изяслав Мстиславич, Изяслав Давидович и Святослав Всеволодович сожгли его Городец, начал готовиться к походу на юг⁵⁷. Поход был, однако, неудачен: Юрий вернулся из земли вятичей в Суздаль. В 1154 г. повторилось то же самое. Наконец, по смерти Изяслава Мстиславича и по удалении из Киева Ростислава, брата его, в 1155 г. Юрий занял Киев и роздал уделы сыновьям⁵⁸.

Сын Юрия Андрей, получивший в удел Вышгород, в том же 1155 г. тайно от отца уехал в Суздаль. По смерти Юрия ростовцы и суздальцы выбрали Андрея в князья «и посадиша и в Ростове на отни столе и Суждали»⁵⁹.

В первые годы по объявлении его князем Ростовско-Суздальской области Андрей жил в Ростове: так, в 1159 г. к нему в Ростов прислал Изяслав Давидович просить помощи против врагов и руки его дочери для своего племянника, Святослава Владимировича, князя Вщижского; в Ростов же возвратился в том же году из Вщижа Изяслав, сын Андрея⁶⁰.

Выше упоминалось, что в 1149 г. Юрий Владимирович, заняв Киев, отдал Суздаль сыну своему Васильку. Затем в Суздаle же видим и других, младших братьев Андрея, для которых Юрием, собственно, и предназначалась Ростовско-Суздальская земля: Мстислава, Михалка и

знаменитого впоследствии Всеволода. Андрей на примере Южной Руси видел все пагубные последствия разделения власти между родичами и потому стремился к единовластию. В 1162 г. он прогнал с Ростовско-Суздальской земли братьев, которые удалились в Царьград к императору Мануилу (их мать, ушедшая с ними, была гречанка); вместе с ними он выгнал и двух племянников, детей умершего Ростислава Юрьевича, и некоторых приближенных отца, которых считал тайными врагами. «Се же створи, – замечает летописец, – хотя самовластен быта всей Суздальской земли»⁶¹.

После убийства Андрея (1174) во Владимире состоялся съезд, на котором ростовцы, суздальцы и переславцы по проискам рязанских послов избрали в князья племянников убитого князя, детей Ростислава Юрьевича Ярополка и Мстислава, шурьев Глеба Ростиславича, князя Рязанского, и послали за ними в Чернигов. Ростиславичи, из уважения к старейшинству, предложили дядьям, Михалке и Всеволоду Юриевичам, княжить вместе с ними. Но тут произошло разногласие между ростовцами, не желавшими Михалка, и владимирцами, из которых одни присоединились к ростовцам, а другие стояли за Михалка и Всеволода. Начались междоусобия. Михалко выехал из Владимира, и Ярополк был объявлен владимирским князем, а Мстислав Ростиславич – ростовским и суздальским. Вскоре легкомысленный Ярополк, руководимый приближенными, возбудил к себе ненависть владимирцев, которые были утесняемы безмерными продажами и вирами и вообще лихоимством. Владимирцы стали звать к себе из Чернигова Михалка, который вместе с братом Всеволодом и явился к ним на зов. Братья Ростиславичи, выступившие против дядей, проиграли битву, и Михалко вступил во Владимир: Ярополк бежал в Рязань, а Мстислав – в Новгород. Вскоре Михалке покорились и ростовцы с суздальцами. Всеволоду Михалко дал Переславль, неизвестно – на правах ли самостоятельного князя или только наместника. Но Михалко, любимый и уважаемый владимирцами, княжил недолго: в 1176 г. он скончался⁶².

После смерти Михалка владимирцы вызвали к себе из Переславля его брата Всеволода и, объявив его князем, целовали крест как ему, так и детям его. Ростовцы воспользовались этим моментом, чтобы вернуть себе прежнюю самостоятельность, а городу – прежнее значение древнего города. Они в 1177 г. вызвали к себе прежнего князя, Мстислава Ростиславича, и началась борьба между древним Ростовом и новым Владимиром, окончившаяся в пользу последнего⁶³.

В 1207 г. Всеволод Юрьевич послал в Новгород, где до того времени сидел Константин, другого своего сына, Святослава, а Константину дал Ростов с другими пятью городами⁶⁴.

После того как Константин Всеволодович, будучи великим князем Владимирским, разделил свой прежний Ростовский удел между сыновьями, из последнего образовалась совершенно отдельная Ростовская волость, земля или область, обособившаяся от Суздальской земли, являвшаяся прежде частью Ростовской области.

У Константина Всеволодовича было три сына: Василько, Всеволод и Владимир. Незадолго до смерти Константин так разделил между ними Ростовскую область: старшему сыну Васильку он дал Ростов, среднему – Ярославль, а младшему предназначил Углич. От Ростова по смерти Василька отделилось Белоозеро, ставшее отдельным княжеством.

Таким образом, ряд ростовских самостоятельных князей начинается старшим сыном Константина Всеволодовича Васильком. Самого Константина, когда он сидел в Ростове при жизни отца, а также его предшественников, нельзя считать самостоятельными князьями, скорее великокняжескими наместниками.

Василько Константинович **Род. в 1209 г. – ум. в 1238 г**

Первый самостоятельный ростовский князь Василько Константинович родился 7 декабря 1209 г. в Ростове. Там же в 1212 г. 23 мая совершены были над ним и братом его Всеволодом постриги⁶⁵.

До девяти лет, т. е. до 1218 г., Василько жил в Ростове при отце; в начале же зимы этого года, незадолго до своей кончины (2 февраля 1218 г.), Константин Всеволодович, призвав двух старших сыновей, назначил их на уделы, дав им при этом соответствующее случаю наставление⁶⁶.

В своем колонизационно-стратегическом движении на восток великие князья Владимирские неминуемо входили во враждебные столкновения с финскими племенами и болгарами. Последние, в свою очередь, нападали на земли, прилегавшие и даже принадлежавшие и Великому и Ростовскому княжествам: так, в 1219 г. болгары напали на Устюг и взяли его; в следующем, 1220 г. великий князь Юрий Всеволодович послал брата Святослава, князя Юрьевского, с воеводой Еремеем Глебовичем на болгар; к ним присоединил свои полки из Переславля и третий брат Ярослав. Ростовскому князю также приказано было послать полки, и Василько Константинович послал в верховья Камы один полк из Ростова, а другой – из Устюга. Святослав весьма успешно выполнил возложенное на него братом поручение: болгары так были уstraшены владимирскими полками, что зимой прислали послов к великому князю для заключения мира; но Юрий мира не принял, а начал опять готовиться к походу: он приказал Васильку Константиновичу идти с полками в Городец, куда и сам пошел; на пути его встретило вновь отправленное к нему болгарское посольство, которое, однако, вынуждено было вернуться домой с тем же, с чем и первое; наконец, уже третье посольство от болгар явилось в Городец; оно поднесло Юрию дары, усиленно просило о мире, и на этот раз великий князь принял дары «и управишася по прежнему миру», как было при его отце и деде⁶⁷.

В 1223 г. по Руси впервые пронеслась весть о каком-то новом воинственном народе – татарах, которые подступали к пределам Руси. Южные князья на совете положили идти навстречу этому неведомому народу, чтобы отразить его и не пустить на Русскую землю; они просили помощи и у великого князя Владимирского; Юрий Всеволодович отправил к ним на помощь своего племянника Василька Константиновича Ростовского; тот дошел только до Чернигова, откуда, узнав о постигшем южных русских князей несчастье на берегах р. Калки, возвратился (уже в 1224 г.) обратно в Ростов⁶⁸.

В том же 1224 г. Василько Константинович принимал участие в походе великого князя на землю Новгородскую. Отношение новгородцев к великому князю и юному сыну его Всеволоду, сидевшему тогда в Новгороде, было не совсем приятным. В указанном году Всеволод по тайному повелению отца со всем двором незаметно выехал из Новгорода ночью и засел в Торжке, куда прибыл и его отец, а также Василько Константинович со своею ратью. Великий князь, недовольный некоторыми новгородскими боярами, требовал от новгородцев их выдачи, но новгородцы категорически заявили, что не поднимут руку на своих братьев. После долгих переговоров новгородцы наконец по предложению Юрия приняли к себе князем великокняжеского шурина Михаила, князя Черниговского⁶⁹. Но Михаил недолго пробыл в Новгороде: он стремился в родной Чернигов и в 1225 г. уехал туда. Встретив по возвращении в Чернигов врага в Олеге, князе Курском, Михаил обратился к зятю, великому князю Владимирскому, за помощью. Юрий в 1226 г. отправился в Чернигов вместе с племянниками, Васильком Ростовским и Всеволодом Ярославским. Впрочем, благодаря посредничеству князя Киевского Владимира Рюриковича, дело до кровопролития не дошло. Зимой же следующего, 1227 г. Василько

Ростовский по совету и желанию великого князя женился на дочери князя Михаила Черниговского, княжне Марии. Свадьба состоялась в Москве 10 февраля, откуда с молодой супругой Василько прибыл в Ростов 12 февраля 1227 г.⁷⁰

В 1228 г. Юрий Всеволодович стал готовиться к войне с мордвой, к чему побудили его, вероятно, набеги последней на Суздальскую землю. В сентябре великий князь послал в Мордовскую землю Василька Константиновича со своим воеводой Еремеем Глебовичем; полки владими́ро-ростовские зашли уже за Нижний Новгород и вступали на Мордовскую землю, когда великий князь из-за шедших все время проливных дождей приказал им вернуться обратно⁷¹. Впрочем, намерения своего обуздать мордву великий князь все-таки не оставлял: в середине января того же года⁷² он выступил в поход на Мордовскую землю вместе с братом Ярославом и племянниками Васильком и Всеволодом Константиновичами: много побито было мордвы в этом походе, край опустошен огнем и мечом, и князья возвратились домой с многочисленным полонем⁷³.

До сих пор, как мы видели, Юрий и Василько жили дружелюбно. Но вскоре после мордовского похода согласие между ними, хотя и на краткое время, исчезло: Ярослав Всеволодович, рассорившись со старшим братом, привлек Константиновичей на свою сторону. Впрочем, на Суздальском съезде 1229 г. князья примирились: 7 сентября они целовали крест Юрию, а на следующий день праздновали и веселились у епископа Митрофана⁷⁴.

В это время Ярослав Всеволодович из-за своих отношений с Новгородом находился во вражде с Михаилом Всеволодовичем Черниговским. Одно время, впрочем, отношения их несколько улучшились, благодаря посольству от последнего и от киевского князя Владимира Рюриковича, прибывшего во Владимир в 1230 г. для примирения враждовавших князей, имевшему в этом деле полный успех. Но дальнейшее поведение Михаила, который явно нарушал мир, принимая новгородских беглецов, врагов Ярослава, возбудило гнев на него не только в последнем, но и в брате Ярослава, великом князе Юрии: оба выступили в поход против Михаила; с ними были и Константиновичи. Юрий, однако, вернулся с пути к Чернигову, а Ярослав и Константиновичи пошли дальше; они выжгли Серенек, осаждали Мосальск и вообще сделали много зла жителям того края⁷⁵. Это было уже в 1232 г.

Затем, до появления на Руси татар, летописи умалчивают о Васильке Константиновиче.

В 1237 г. в пределах Рязанской земли, как известно, появились те неведомые люди, которые несколько лет тому назад так жестоко побили южных русских князей на берегах р. Калки. Рязанские князья просили, но не получили помощи от великого князя, и в битве с татарами многие из рязанских князей пали от меча последних. При дальнейшем движении татар на Владимир Юрий ушел за Волгу и остановился на берегу р. Сити; с ним были и братья Константиновичи. В произошедшей 4 марта 1238 г. битве пал великий князь, а Василька Ростовского татары взяли в плен и увели с собой. Встав станом в Шеринском лесу⁷⁶, татары начали принуждать Василька пристать к ним, т. е. принять их обычаи и веру и воевать вместе с ними против русских. С презрением отверг ростовский князь предложение татар, хуля скверные обычаи своих врагов, от которых, как от нечистых, он не хотел даже принимать ни пищи, ни питья. Вознося молитвы, чтобы Господь избавил его от этих плотоядцев, Василько молился за детей своих и за своего духовного отца, епископа Кирилла. Татары из-за отказа ростовского князя принять их предложение расви́репели, убили Василька тут же в лесу. Спустя несколько дней какая-то женщина, как передает предание, увидела труп князя и рассказала об этом некоему благочестивому поповичу Адриану, который, взяв тело Василька, скрыл его в укромном месте. Вскоре по распоряжению епископа Кирилла и княгини Марии Михайловны тело князя Ростовского было привезено в Ростов и погребено в соборной Успенской церкви. Василько Константинович был любим как гражданами Ростова, так и своими приближенными: летописи чрез-

вычайно восхваляют его, говоря, что он был красив лицом⁷⁷, имел ясный и грозный взор, был храбр на охоте и пр. Относительно своих бояр князь Василько Ростовский был чрезвычайно ласков: кто из бояр служил ему, кто ел хлеб его и пил с ним чашу, тот, по словам летописи, не мог уже служить другому князю⁷⁸.

Василько Константинович был женат с 1227 г. на Марии, дочери Михаила Всеволодовича, князя Черниговского.

От этого брака у него, насколько мы знаем, было два сына: Борис, князь Ростовский, и Глеб, князь Белозерский⁷⁹.

Борис Василькович **Род. в 1231 г. – ум. в 1277 г**

Борис Василькович родился 24 июля 1231 г. в Ростове⁸⁰. Спасшись от татарского меча – это обстоятельство бытописатели наши сочли необходимым занести на страницы отечественных летописей⁸¹, – Борис вместе с младшим братом Глебом сел на Ростовском княжении⁸².

С юных лет пришлось Борису Васильковичу совершать частые путешествия к поработителям Руси. В 1244 г., когда ему было еще только 13 лет, он ездил в Орду с дядей, Владимиром Константиновичем, князем Углицким, и братьями: родным – Глебом – и двоюродным – Василием Всеволодовичем Ярославским. Князья ходили в Орду, как говорится в летописи, «про свою отчину», т. е. хлопотать об утверждении за ними наследственных уделов, становясь, таким образом, улусниками хана. Батый, «разслушав их о сем и разсудив, даде им вотчину их и отпусти их с честью»⁸³. В следующем, 1245 г. в конце лета Борис сопровождал в Орду деда, Михаила Всеволодовича Черниговского, который обречен был там на смерть за то, что не хотел соблюсти татарских языческих обрядов: не хотел поклониться кусту, солнцу и идолам. Юный Борис умолял деда подчиниться необходимости, бояре настаивали на том же и брали грех на себя, но все было напрасно: Михаил и боярин его Федор остались непреклонны и были зверски убиты татарами; Бориса же Батый послал к своему сыну Сартаку, кочевавшему на границах Руси; последний, говорит летопись, «почтив его и отпусти во свояси»⁸⁴.

В 1248 г. Борис Василькович женился на Марии, дочери муромского князя Ярослава, которого новейшие родословные считают Святославичем⁸⁵. В следующем, 1249 г. мы видим Бориса с его младшим братом и матерью во Владимире. Пребывание ростовской княжеской семьи во Владимире объясняется тем, что во Владимире в этом году скончался, не оставив мужского потомства, князь Василий Всеволодович Ярославский. Тело скончавшегося ярославского князя провожал из Владимира вместе с Александром Невским и Борис Василькович⁸⁶.

С 1250 г. снова начинаются частые поездки Бориса в Орду. Под указанным годом в летописях отмечена поездка Бориса к Сартаку, но о причинах ее ничего не говорится. Сартак, по летописным известиям, принял Бориса с честью и отпустил его затем домой в Ростов⁸⁷.

Через 5 лет после этого в Орде произошла важная перемена: в 1255 г. Батый умер, и ханский престол достался его сыну, вероятно, Сартаку. Последний вскоре был убит своим дядей Беркой, который объявил себя ханом; при нем важную – по отношению к Руси – роль играл один из его приближенных, Улавчий. Улавчию, в частности, хан поручил ведать дела Руси. Кажется, этой переменной и следует объяснить поездку туда в 1256 г. Бориса Васильевича, который поднес дары Улавчию и с честью отпущен был домой⁸⁸. В следующем, 1257 г. Борис опять ходил в Орду с дарами к тому же Улавчию, но уже не один, а с Александром Невским и его братом Андреем. Под тем же годом в летописях за известием о поездке означенных князей в Орду сказано, что зимой того же 1257 г. пришли на Русь татарские численники и изочли всю землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую⁸⁹. Может быть, последняя поездка князей

Бориса, Александра и Андрея в Орду была попыткой, хотя и неудачной, избавиться от татарской переписи населения Руси⁹⁰.

В 1258 г. Борис Василькович снова вместе с Александром Невским, Андреем Суздальским и еще Ярославом Тверским посетил Орду. Борис возвратился в Ростов осенью того же года вместе с братом Глебом, который еще в 1257 г., отправившись в Орду, женился там и теперь возвращался в свою отчину с молодой женой. И эта поездка князей в Орду была, кажется, в связи с переписью населения Руси: по крайней мере, в том же году, зимой, во Владимир приехали татарские численники, и все вышеупомянутые князья должны были отправиться с ними для переписи Новгородской земли⁹¹. По уходе татар новгородцы задержали Александра Невского у себя, а прочие князья разъехались по своим отчинам. В следующем, 1259 г. Александр по дороге из Новгорода во Владимир заезжал в Ростов, где радушно был принят братьями и матерью их, княгиней Марией Михайловной⁹².

Затем до 1277 г., т. е. года кончины Бориса, летописи почти ничего о нем не говорят: отмечают только два-три факта из его жизни и притом больше семейного характера, именно: назначение в 1261 г. Александром Невским вместе с братьями Васильковичами архимандрита Игнатия в помощники уже престарелому епископу Кириллу⁹³; в 1268 г. – рождение у Бориса сына Василия⁹⁴, под 1271 г. – кончину матери его, княгини Марии⁹⁵, а под 1276 г. – женитьбу сына его Дмитрия⁹⁶.

В 1277 г. хан Менгу-Тимур собирался в поход на кавказских ясов (алан), чтобы смирить их непокорность; на помощь к нему отправились князья Андрей Городецкий, Федор Ярославский и братья Васильковичи, Борис и Глеб. Борис, по прибытии в Орду, заболел и, готовясь к смерти, хотел было принять иноческий образ, но супруга отговорила его в надежде на благополучный исход болезни. Надежды ее, однако, не сбылись: 16 сентября Борис Василькович скончался. Сын его Дмитрий и супруга перевезли тело князя Бориса в Ростов и похоронили 13 ноября в соборной Успенской церкви на левой стороне родовой усыпальницы князей Ростовских⁹⁷.

От брака с княжной Марией Ярославной Муромской⁹⁸ Борис Василькович имел трех сыновей: Дмитрия, Василия и Константина.

Глеб Василькович **Род. в 1237 г. – ум. в 1278 г**

По смерти Бориса Васильковича в Ростове сел его брат Глеб Белозерский, обойдя своих племянников Борисовичей, так что в руках Глеба соединились Ростовское и Белозерское княжества⁹⁹. Но он вскоре по занятии Ростова, а именно около середины июня (по другим известиям – июля) 1278 г., скончался. Подробно о нем мы будем говорить в главе о князьях Белозерских.

Дмитрий Борисович **Род. в 1253 г. – ум. в 1294 г**

Дмитрий Борисович родился 11 сентября 1253 г.¹⁰⁰ Отметив год его рождения, летописи затем умалчивают о нем в течение 23 лет, т. е. до 1276 г., под которым в летописях упоминается, что Дмитрий Борисович женился зимой, но неизвестно на ком¹⁰¹; в следующем же году, как мы уже говорили, он вместе с отцом, матерью и младшим братом Константином отправился в Орду, где 16 сентября скончался Борис Василькович, чье тело было привезено в Ростов и похоронено 13 ноября в Успенском соборе¹⁰².

По смерти Бориса в Ростове сел его младший брат Глеб Белозерский. Неизвестно, были ли при нем чем-либо наделены Борисовичи, его племянники. Впрочем, Глеб занимал Ростовский стол меньше года, так как занял он его не ранее сентября 1277 г., а уже летом следующего, 1278 г. скончался¹⁰³. После Глеба Ростов заняли братья Борисовичи¹⁰⁴.

Заняв в 1277 г. Ростов, Глеб Василькович отдал Белоозеро сыну Михаилу. Достоверных сведений, какие волости получили братья Борисовичи, мы не имеем, но есть основание полагать, что Глеб, весьма вероятно, обидел племянников относительно волостей, – по крайней мере, на основании того, что между двоюродными братьями, внуками Василька, происходили какие-то раздоры: так, вскоре после смерти Глеба (в 1279 г.) Димитрий Борисович отнял у Михаила Глебовича волости «со грехом и неправдою великою», как говорит летопись¹⁰⁵. Впрочем, едва ли будет справедливо на основании этого факта выводить заключение, что Димитрий Борисович был обижен в чем-нибудь своим дядей Глебом, так как мы видим, что и с родным своим братом Константином Димитрий жил не в ладах: так, в 1281 г. братья сильно поссорились, но что было причиной ссоры, летописи не объясняют, говоря только, что «воздвиге дьявол вражду и крамолу межи братома», так что Константин уехал во Владимир к великому князю, а Димитрий «нача рать совокупляти в Ростове, блюдяся братьи, и город весь замыте». Принимая во внимание поступок Димитрия Борисовича с Михаилом Глебовичем, можно предположить, что причиной его ссоры и с родным братом были властолюбивые и корыстные стремления. Димитрий хорошо знал, что он шел в старший линии потомков Всеволода Юрьевича и что великокняжеское достоинство зависело тогда не от родового старшинства, а от воли царя, ордынского хана, для приобретения благосклонности которого требовалось только обладать богатой казной. Не стремился ли поэтому и Димитрий сделаться богаче за счет своих братьев, родного и двоюродного? Но вернемся к прерванному рассказу. Константин уехал во Владимир к великому князю Димитрию Александровичу; владыка ростовский Игнатий также отправился во Владимир и упросил великого князя взяться за примирение братьев. Великий князь вместе с Игнатием и своими боярами прибыл в Ростов и уговорил братьев примириться¹⁰⁶.

В 1285 г. скончался углицкий князь Роман Владимирович, не оставив потомства, и удел его был присоединен к Ростовскому княжеству. Потому-то, конечно, мы и встречаем в летописях под 1286-м, а в Никоновской – под 1287 г., известие о дележе между Борисовичами их увеличившейся отчины. О распределении городов между ними летописные известия разнятся, но больше правдоподобны те, по которым Димитрию достался Углич, а Константину – Ростов¹⁰⁷.

В 1288 г. великий князь Димитрий Александрович собрался в поход на тверского князя. Причина похода показана летописцем не совсем ясно: «не въсхоте Михаил Тверский поклонитися великому князю Дмитрию, и нача наряжати полки». Для этого похода великий князь созвал под свои стяги братьев, Андрея и Даниила, Димитрия Борисовича «и вся, я же суть под ним»; призвал и новгородцев, которые явились со своим посадником Андреем. Враги встретились у Кашина: великий князь простоял под городом девять дней и, наконец, примирился с князем Тверским¹⁰⁸. Некоторые летописи непосредственно за тверским походом передают известие, что Димитрий Борисович в том же году сел в Ростове¹⁰⁹. Надо полагать, что Константин в таком случае сел в Угличе и что этот обмен уделами произошел добровольно, так как нет никаких летописных указаний, что братья находились в это время в ссоре. Под следующим, 1289 г. в некоторых летописях (вслед за известием, что Борис сел в Ростове) говорится, что в этом городе в то время было чрезвычайно много татар и что граждане ростовские по решению веча ограбили и выгнали в этом году последних из Ростова. После этого известия в летописи занесен факт, что Константин ходил в том же году в Орду. Никоновская летопись последнее обстоятельство передает иначе, а именно что в 1289 г. в Орду ходили оба брата и с женами, что царь держал их в чести и с честью же отпустил восвояси в том же году¹¹⁰.

Таким образом, на поездку в Орду – одного ли Константина, обоих ли братьев с их женами – надо смотреть, кажется, как на попытку умиловить хана за изгнание татар из Ростова¹¹¹.

Конец жизни Дмитрий Борисович омрачил участием в происках Андрея Александровича против старшего брата, великого князя Дмитрия. В 1293 г. Дмитрий вместе с Андреем Александровичем, братом Константином и Федором Ростиславичем Ярославским, будучи в Орде, сумели оклеветать Дмитрия Александровича перед ханом; последний дал упомянутым князьям, когда они возвращались в свои отчины, отряд татар под началом Дуденя для наказания великого князя¹¹². В 1294 г. Дмитрий Борисович скончался¹¹³.

От брака с неизвестной этот князь имел одного сына, Михаила¹¹⁴, и трех дочерей, из которых старшая, неизвестная нам по имени, в 1292 г. вышла за Ивана Дмитриевича, князя Переславского¹¹⁵; вторая, Анна, в 1294 г. вышла за Михаила Ярославича Тверского, и третья, Василиса, вышла в том же году за сына Александра Невского, Андрея¹¹⁶.

Примечание. Так как имя Михаила Дмитриевича упоминается в летописях только один раз по поводу его рождения, а все родословные считают этого князя бездетным, надо предполагать, что он умер в младенчестве, и потому говорить о нем отдельно мы не будем.

Константин Борисович **Род. в 1255 г. – ум. в 1307 г**

Имя Константина Борисовича, родившегося 30 июля 1255 г., начинает появляться на страницах летописей только с 1277 г.¹¹⁷ В этом году вместе с отцом, матерью и старшим братом этот князь отправился в Орду, чтобы принять участие в походе Мангу-Тиму-ра на ясов. В Орде отец его заболел и скончался; мать и старший брат должны были с телом умершего князя отправиться в Ростов, а Константин вместе с другими князьями принимал участие в походе, из которого вернулся вместе со своим дядей Глебом Белозерским в середине июня 1278 г. Через месяц Глеб Василькович праздновал свадьбу сына Михаила; на этом пиру был и Константин Борисович¹¹⁸.

При обозрении княжения Дмитрия Борисовича мы уже говорили о степени участия Константина в обиде Михаила Глебовича в 1279 г., о ссоре самих Борисовичей в 1281 г. и о примирении их великим князем. Не повторяя подробностей этих событий, заметим только, что Дмитрий Александрович, к которому ездил Константин, примирил братьев, надо полагать, весной или летом 1281 г., так как зимой мы видим Константина уже во враждебном великому князю лагере Андрея Александровича, который выхлопотал в Орде ярлык на великокняжеский титул в 1282 г.¹¹⁹

В течение следующих пяти лет летописи не сообщают никаких сведений, как жили братья между собой и как владели Ростовом. Только под 1286 г. встречаем известие, что братья Борисовичи поделили свою: Дмитрию достался по жребию Углич, присоединенный, как уже было сказано выше, к Ростовскому уделу вследствие бездетной смерти Романа Владимировича Углицкого, а Константину – Ростов, который, впрочем, в 1289 г. Дмитрий опять занял. Напомнив здесь об участии Константина в происках Андрея Александровича против великого князя (см. под Дмитрием Борисовичем) в 1292–1293 гг., заметим, что вообще с 1288 г. мы встречаемся с темными, труднообъяснимыми известиями летописей: видим, например, что в 1288 г. Углич занимает какой-то князь Александр Федорович, умерший в 1294 г., встречаем в Троицкой летописи, что в 1293 г. Александр Константинович занял Углич, и в той же летописи, как и в других, под следующим, 1294 г. встречаем известие о смерти Дмитрия Борисовича и о занятии Ростова Константином; но в первой, т. е. Троицкой летописи, отсутствует, как

в других, известие о занятии Углича Александром Константиновичем¹²⁰. По естественному порядку Константин должен был занять Ростов по смерти Димитрия, отдав Углич сыну Александру, как это, вероятно, и было на самом деле, и в таком случае хронологию Троицкой летописи в данном случае надо считать неверной.

Итак, события небольшого промежутка времени между 1288 и 1294 гг. крайне запутанны. Причину этой путаницы надо искать в характере событий того времени. Тогда происходила борьба между родными братьями, Димитрием и Андреем Александровичами, за великокняжеский стол. Мелкие князья группировались вокруг них, руководимые личными интересами, а иногда и необходимостью. При таком смутном положении дел уделы могли на краткое время переходить из рук в руки. Помянутой борьбы не чужд был и Константин Борисович; он, как и его старший брат, ходил с Андреем Александровичем в 1293 г. жаловаться хану на великого князя, благодаря стараниям которого состоялось, как известно, его примирение со старшим братом¹²¹.

Как уже было сказано, Димитрий Борисович скончался в 1294 г., и Константин, посадив в Угличе сына Александра, занял Ростов¹²².

На следующий год после занятия Ростова Константин Борисович, неизвестно по какой причине, рассорился с владыкой Тарасием, который, вероятно, вследствие этой ссоры и выехал из Ростова в Устюг. Константин Борисович пустился за ним в погоню «и ят владыку, и люди около его пойма»¹²³.

В один год с Димитрием Борисовичем скончался великий князь Димитрий Александрович, и брат последнего Андрей уже законным порядком занял великокняжеский стол. Честолюбивый Андрей стремился, кажется, забрать в руки удельных князей, которые, в свою очередь, не хотели поступиться своими правами. Князья образовали два враждебных лагеря: в одном, с Андреем во главе, стояли его прежние приверженцы, Федор Ярославский и Константин Ростовский; в другом – Михаил Тверской, Даниил Московский и Иван Переславский. На бурном съезде во Владимире в 1296 г. в присутствии ханского посла споры уладились, но примирение было только кажущимся¹²⁴: Андрей вскоре все-таки пошел на Переславль. В 1301 г. на Дмитровском съезде князья опять рассуждали о спорных делах, и большая их часть примирилась – не примирились только почему-то, по известиям одних летописей, Иван Переславский и Михаил Тверской, а по другим – Иван Переславский «заратися» еще с Константином Ростовским; но «смири их владыка Семен»¹²⁵.

После этого съезда летописи не заносят на свои страницы ничего из общественной деятельности Константина Борисовича Ростовского: отмечают только его семейные дела: смерть супруги его и вторичную женитьбу.

Константин Борисович скончался в Орде в 1307 г.¹²⁶

Он женат был дважды. Первая супруга его, скончавшаяся в 1299 г., неизвестна ни по имени, ни по происхождению. Во второй раз Константин женился в Орде у какого-то, как сказано в летописи, «Кутлукорткы»¹²⁷. Дети у него были только от первого брака, а именно: Александр, князь Углицкий, Василий и, может быть, дочь, та княжна Ростовская, на которой женился в 1297 г. Юрий Данилович¹²⁸.

О третьем сыне Бориса Васильковича, Василии Борисовиче, в летописи отмечено только одно известие, что он родился в 1268 г. 16 апреля. Отсюда можно предполагать, что он умер в младенчестве, а потому отдельно о нем мы говорить не будем.

Василий Константинович **Род. в 1291 г. – ум. в 1316 г**

Летописные известия о Василии Константиновиче чрезвычайно скудны; мы находим только два известия о нем: во-первых, летописи под 1291 г. отмечают его рождение¹²⁹; во-вторых, под 1316 г. встречаем известие, что он пришел из Орды с татарскими послами, Казанчием и Сабанчием, которые «много зла сотвориша в Ростове». Что же заставило Василия привести в свою отчину татар, которыми последняя была разорена? Конечно, татары не обращали внимания на то, чью волость они разоряют: того ли князя, которому они помогают, или его врага; но опять-таки вопрос: зачем Василий приводил в Ростов татар? В это время еще жив был племянник Василия Юрий. Но могла ли быть между ними борьба? Не вызвано ли было это какими-нибудь событиями в других княжествах? В 1316 г., как известно, великий князь Михаил Ярославич Тверской боролся с Новгородом, а московский князь Юрий Данилович готовился к борьбе с Михаилом за великокняжеское достоинство. В 1317 г. Юрий пришел из Орды с послом Кавгадыем и татарами. Михаил встретил их у Костромы. Здесь враги примирились: Михаил уступил Юрию великокняжеский титул. Но зимой того же года Юрий и Кавгадый, с которыми были также суздальские князья, пошли чрез Ростов, Переславль, Дмитров и Клин к Твери. Очевидно, Юрию хотелось не только унижить, но и ослабить своего врага, чтобы еще больше обеспечить за собой великокняжеский стол. С Михаилом, когда он подошел к Костроме, были все суздальские князья, о ростовских же князьях в летописях ничего не говорится. Но могли ли они оставаться в стороне, не быть задетыми таким движением, как борьба за великокняжеский стол? И если на стороне Михаила были князья Суздальские, неужели Юрий не постарался привлечь других князей на свою сторону? Думается, именно ростовский князь и был на стороне Юрия, и в последнем случае два посла и татары, пришедшие с Василием Константиновичем из Орды, не были ли передовым отрядом главных татарских сил, которые должен был привести из Орды сам Юрий?¹³⁰

До нас не дошло известий о том, на ком женат был князь Василий Константинович Ростовский; знаем только, что он имел двух сыновей Федора и Константина.

Юрий Александрович **Ум. в 1320 г**

Как мы видели, Василий Константинович в последний раз упоминается в летописи под 1316 г. Надо думать, в этом году он и умер. В таком случае бедствие, постигшее Ростов в 1318 г., было при его преемнике. Бедствие состояло в том, что в этом году, неизвестно с какой целью, приходил на Русь из Орды «посол лют» по имени Кочка. Около Костромы он убил 120 человек; потом пограбил Ростов, разграбил Успенскую церковь, пожег монастыри и окрестные села и ушел обратно в Орду¹³¹.

Но кто же сидел в это время в Ростове? Кроме детей Василия Константиновича, был еще в живых их двоюродный брат Юрий Александрович, князь Углицкий. По некоторым основаниям можно думать, что после Василия Константиновича Ростов занимал именно Юрий: во-первых, он был сын старшего брата; если его отец и не сидел в Ростове, это не мешало ему самому занять Ростов после двоюродного брата, так как Углич не был уже совершенно обособленным княжеством, как Ярославское и Белозерское, а входил в состав Ростовской волости, как ее часть, хотя и представлял из себя отдельное удельное княжество. Таким образом, чтобы занять Ростов, углицкому князю нужно было только обладать старшинством относительно других родичей, а в таком положении и был Юрий Александрович; во-вторых, говоря о смерти Юрия, все летописи единогласно называют его князем Ростовским, а не Углицким.

О Юрии Александровиче до нас дошло весьма мало известий: знаем только, что он был единственный сын Александра Константиновича Углицкого¹³² и умер в 1320 г., не оставив потомства¹³³.

При преемниках Юрия Александровича, детях Василия Константиновича, Ростовское княжество разделилось на две половины, и притом так, что главный центр княжества – Ростов – остался не в одних руках: по числу сыновей Василия он разделился на две половины, между которыми разделены были, конечно, и все остальные земли с их селениями, составлявшие прежде Ростовское княжество. Распределение этих земель и селений должно было определяться теми владениями, которые были за потомками старшего сына Василия Константиновича, князьями Голениными, Щепиными, Приимковыми и проч., и потомками младшего сына, князьями Яновыми, Пужбольскими, Бычковыми-Бритыми и пр.

Мы не знаем, когда дети Василия Константиновича поделили между собой свою отчину; знаем только по родословным, что старший, князь Федор, взял себе Сретенскую (Устретенскую) сторону Ростова, а младший, Константин, – Борисоглебскую¹³⁴. Дети и внуки их владели в известном порядке, по старшинству, каждый своим отчинным достоянием, а остальные родичи должны были довольствоваться мелкими наделами, получая иногда от них свои прозвища, а иногда и сами давая им названия от своих прозвищ. С размножением рода и дальнейшим дроблением волости потомки Василия Константиновича должны были представлять из себя самых мелких вотчинников, мелких помещиков нашего времени, а потому вынуждены были уходить на службу к другим князьям, не только великим, но и удельным, сильным материально. Все они, однако, до известного времени должны считаться удельными князьями с правами владетельных, хотя последних внешним образом, конечно, не могли проявлять по бедности и мелкости своих владений.

Итак, с детей Василия Константиновича прежде единое Ростовское княжество разделяется на две части, которые, в свою очередь, дробятся на более мелкие участки. Следуя этому делению, мы каждую половину Ростовского княжества будем рассматривать в отдельности.

Князья Ростовские старшей линии рода Василия Константиновича

Федор Васильевич 1320 – ум. в 1331 г

Летописные известия о Федоре Васильевиче весьма скудны, и начинаются они только с 1326 г. Впрочем, есть события ранее 1326 г., по источникам нелетописного характера, которые близко касались Ростова, но в них этот ростовский князь, однако, не играет выдающейся роли. В 1322 г. во время борьбы московского и тверского князей за великокняжеский титул Иван Данилович пришел из Орды с ханским посланцем Ахмылом, который вместо того, чтобы выполнить свою миссию – ввести благоустройство в областях великого княжения, – вел себя как разбойник: истреблял людей, взял Ярославль и вообще «много пакости чини по Низовской земли». Исполнив таким странным образом ханское поручение, Ахмыл ушел в Орду, чтобы дать отчет в своем посольстве. Так передается это событие в летописях. Но по другим источникам, как мы сказали, нелетописного характера, этот эпизод несколько расширяется. Взяв и предав огню Ярославль, Ахмыл хотел поступить точно так же и с Ростовом: ростовский владыка Прохор и ростовские князья бежали из города, и только благодаря находчивости Игнатия, правнука святого Петра, царевича ордынского¹³⁵, Ростов не испытал на себе гнева ханского посла. По совету Игнатия епископ Прохор возвратился в Ростов и встретил Ахмыла с крест-

ным ходом, а Игнатий, сопровождаемый гражданами, поднес после «тешь царскую: кречетов, соколов, шубы и пр.» и предложил угощение. Ахмыл укротился; в это же время до него дошла весть, что его оставшийся в Ярославле сын заболел глазами; узнав об этом, посол приказал привезти сына в Ростов, где епископ Прохор исцелил его. Ахмыл прославил Бога и блаженного святителя; хвалил и благодарил Игнатия – «цареву кость, татарское племя», одарил владыку и клир и с торжеством отправился в Орду¹³⁶.

Собственно, летописные известия о Федоре Васильевиче ограничиваются только передачей двух фактов из его жизни, а именно: по летописям, он в 1326 г. женился, но неизвестно на ком¹³⁷; затем отмечено время его кончины – 28 марта 1331 г.¹³⁸ Князь Федор Васильевич Ростовский оставил единственного сына Андрея.

При этом князе Ростов, можно сказать, был в полном распоряжении великого князя Московского. В повести о преподобном Сергии, помещенной в IV томе Никоновской летописи под 1392 г., положение Ростова изображается очень мрачными красками. «Наста, – говорится там, – насилowanie много, сиречь княжение великие Московское досталось князю великому Ивану Даниловичю, купно же досталось и княжение Ростовское к Москве. Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князем их, яко отъяся от них власть и княжение, и имение, и честь, и слава и вся прочая. И потегну к Москве его, а изыде повеление великого князя Ивана Даниловича, и послан бысть от Москвы на Ростов аки некий воевода един от велмож, именем Василий, прозвище Кочева и с ним Миняи. Внегда видоста во град Ростов, тогда возложиста велику нужу на граде». Наместники грабили и нещадно истязали жителей. Эту мрачную картину повесть заканчивает так: «И что подобает много глаголати! толико дерзновенна над Ростовом содеяша, яко и самого того епарха градскаго, старейшаго его боярина ростовскаго, именем Аверкия, стремглав обесиша и возложиша на ня руце свои, и оставиша поругана точию жива, и бысть страх велик на всех слышащих. Сия не токмо во граде Ростове, но и во всех пределах его и во властех, и в селех».

Говоря о Юрии Александровиче, мы упоминали о том, что дети князя Василия Константиновича Ростовского поделили между собой отчину пополам, заметив при этом, что до нас не дошло летописных известий о времени этого дележа; но считаем не лишним отметить, что, по некоторым родословным, дележ был произведен в 1328 г.¹³⁹

Андрей Федорович 1331— ум. в 1409 г

Сравнительно с продолжительностью жизни Андрея Федоровича, летописи очень мало дают о нем сведений. В первый раз упоминают об этом князе по случаю его женитьбы в 1347 г.¹⁴⁰ Между тем о деятельности дяди Андрея Федоровича, Константина Васильевича, владельца Борисоглебской стороны Ростова, неоднократно говорится в летописях (в 1340 г. этот князь идет с Товлубием на Смоленск; в 1342 г. – на поклон к новому хану; в 1348 г. – на помощь новгородцам против шведов), об Андрее Федоровиче, напротив, в летописях ничего не говорится за этот период и далее, в продолжение более чем десяти лет.

Как уже говорилось, отец Андрея и дядя его Константин поделили между собой Ростовскую отчину пополам. Однако в 1360 г.¹⁴¹ Константин, пользуясь, вероятно, происходившей тогда во Владимиро-Суздальской области борьбой московского и суздальского князей за великокняжеский титул, выхлопотал в Орде ярлык на все княжение Ростовское. Некоторое время племянник, как видно, молчал; но под 1362 г. встречаем в летописях известие, что между ростовскими князьями произошло «нелюбие», очевидно, из-за захвата дядею всей отчины. Андрей Федорович решил, как видно, хлопотать о своих отчинных правах и добиваться их с оружием в руках. Под 1363 г. встречаем известие о пребывании князя Андрея в Переславле,

откуда он пошел в Ростов вместе с князем Иваном Ржевским и большим войском. Ржевские, как известно, служили московским князьям, а потому можно предполагать с достоверностью, что с князем Иваном шла также и московская рать на помощь Андрею Федоровичу против его дяди Константина. Под тем же 1363 г. в летописях есть известие, что Димитрий Иванович Московский, «взвем волю свою» над Димитрием Константиновичем Суздальским, таковую же взял и над Константином Ростовским. В то же время изгнаны были из своих уделов князья Стародубский и Галицкий, которые уехали в Нижний Новгород к Андрею Константиновичу; Константин же Ростовский в 1364 г. уехал в Устюг¹⁴².

Очевидно, Константин Васильевич был неугоден Москве, конечно, потому, что не хотел подчиниться, не хотел быть под рукой великого князя Московского, и его место занял племянник, князь Андрей, не вышедший из воли московского князя. Последнее подтверждается и последующими событиями, указывающими на отношения князя Андрея Федоровича с великим князем Московским: так, в 1371 г., когда Михаил Александрович Тверской пришел из Орды с ярлыком на великие княжение, Димитрий Иванович Московский, не пустив его во Владимир, сам 15 июня отправился в Орду вместе с Андреем Федоровичем Ростовским¹⁴³. Через четыре года (1375 г.) Андрей вместе с двоюродными братьями Константиновичами принимал участие в походе Димитрия Ивановича на Тверь¹⁴⁴. Есть сведения, что он участвовал и в Куликовской битве 1380 г., находясь вместе со своим тезкой, князем Стародубским, на правом крыле¹⁴⁵.

После Куликовской битвы летописи не упоминают об Андрее Федоровиче до 1408 г. В этом году под Москву пришел Едигей и распустил свои отряды по окрестным городам; один из таких отрядов подошел к Ростову; князь, епископ и граждане бежали из города, а татары разграбили его и сожгли¹⁴⁶.

Зимой следующего, 1409 г. Андрей Федорович скончался, приняв иноческий образ с именем Афанасий¹⁴⁷. У него от брака с неизвестной было шесть сыновей: Иван, Федор, Юрий, Константин, Михаил и Борис¹⁴⁸.

Уже было указано выше, что с Ивана Даниловича ростовские князья, не теряя прав князей владетельных, были в полном подчинении у московских князей. Сам Иван Данилович, а за ним и его преемники делали приобретения в Ростовском княжестве: Калита купил там село Богородицкое, которое впоследствии Донской по духовному завещанию отдал своему сыну Юрию; Димитрий Иванович по тому же завещанию дал сыну Василию в числе прочего и село Васильевское в Ростове; Василий Димитриевич по первому духовному завещанию отказал супруге, в частности, «примысл в Ростове», не названный по имени, а по второму – вышеупомянутое село Васильевское¹⁴⁹.

Эти приобретения московских князей, конечно, ослабляли материально Ростовское княжество, не те, впрочем, незначительные приобретения, о которых только что упомянуто, а, надо полагать, более крупные, сведения о которых до нас не дошли. Если не предполагать последних, трудно себе представить, каким образом ближайшие потомки Федора Васильевича дошли до того, что вынуждены были продать свою часть владений московскому князю. Правда, эту часть Ростовского княжества ослабляла еще раздробленность между потомками Федора Васильевича. Известий о времени продажи этой части Ростова великому князю до нас не дошло, хотя некоторые родословные¹⁵⁰ передают, что продал эту часть старший сын Андрея Федоровича, Иван (великому князю Василию Димитриевичу). Из официального документа известно только, что великий князь Василий Васильевич (Темный) распорядился Ростовом, как своей собственностью. «А княгине своей, – говорит он в своем духовном завещании¹⁵¹, – даю Ростов и со всем, что к нему потягло и с селы своими, до ее живота». Не весь, впрочем, Ростов был в руках великого князя: что-то оставалось, конечно, по договоренности с великим князем, и

за ростовскими князьями. Из слов великого князя Василия Васильевича в его завещании: «А князья ростовские, что ведали при мне, при великом князе, ини по тому держат и при моей княгини, а княгини моя у них в то не вступается», – можно заключить, что покупку указанной части Ростова совершил не Василий Димитриевич, который, в случае купли, сделал бы относительно ее распоряжение в завещании (тогда как в нем упоминается одно только село – Васильевское), а сын его Василий Васильевич. Если так, то это произошло уже после 1425 г.¹⁵²

Дети князя Андрея Федоровича, следовательно, а может быть, и внуки были еще владетельными князьями. Сообщим о них то, что было возможно собрать о них в пределах источников, которыми мы пользовались.

1. Иван Андреевич (XIV–XV вв.) известен только по родословным, которые говорят, что он продал свою часть Ростова Василию Димитриевичу. Он имел двух сыновей: Юрия, по прозвищу Немой, потомство которого пресеклось на единственном сыне Семене, умершем бездетным, и Федора, по прозвищу Голень, родоначальника угасших князей Голениных-Ростовских. Правнуки Ивана Андреевича, дети Андрея Федоровича, служили у князя Волоцкого Федора Борисовича, а старший правнук (сын старшего внука Ивана) Василий Иванович служил при великом князе Иване III Васильевиче, по повелению которого, между прочим, отмежовывал города: Дмитров, Рузу и Звенигород, которые Иван III пожаловал своему сыну Юрию¹⁵³. Род Голениных пресекся на праправнуках Ивана Андреевича, детях упомянутого выше князя Василия Ивановича.

2. Федор Андреевич известен также только по родословным. Он имел пятерых сыновей: Александра, прозвищем Щепя, Ивана-большого, умершего бездетным, Русана, который в некоторых родословных называется Федором-Русаном, Димитрия, прозвищем Приимка, и Ивана-меньшого, умершего, как и Иван-большой, бездетным. Из них первый был родоначальником угасших князей Щепиных-Ростовских, а четвертый – родоначальником угасших же князей Приимковых-Ростовских, получивших свою фамилию от села Приимкова в 16 верстах от Ростова, Гвоздевых-Ростовских и Бахтеяровых-Ростовских¹⁵⁴.

Дети Федора Андреевича известны вообще только по родословным, но об Александре Федоровиче сохранились известия и в летописях.

Александр Федорович (1410–1434) начинает упоминаться в летописях с 1410 г. В этом году псковичи просили себе у Василия Димитриевича князя, указывая именно на Александра Федоровича. Псковичи приняли его честно и посадили на княжение 26 сентября. Так по одним источникам, а по другим – князь Александр Ростовский приехал в Псков «из руки великаго князя Василия Димитриевича»¹⁵⁵. Последнее известие надо считать более достоверным: мы видим, что Александр Федорович не ладил с псковичами, и те чрез два года с небольшим (15 мая 1412 г.) «выпроводиша» его. Он выехал из Пскова, возложив «на Псков крестное целование» (т. е. что псковичи поступили против крестного целования), «а псковичи, – замечает летопись, – в крестном целовании прави»¹⁵⁶. После этого в течение лет десяти в Пскове побывали в качестве князей: брат великого князя Московского Константин Димитриевич и Андрей и Федор Александровичи, князья Ростовские. Последний выехал из Пскова в 1420 г.

В следующем, 1421 г. псковичи выпросили себе у великого князя опять Александра Федоровича, который и прибыл к ним 1 апреля 1422 г., а в 1423 г. уже выехал из Пскова и «с челядью».

В 1424 г. великий князь послал в Псков князя (из литовских) Федора Патрикиевича, но и этот в следующем, 1425 г., убоявшись свирепствовавшего в Пскове мора, уехал в Москву. Между тем Пскову со стороны Витовта угрожала опасность, и в 1428 г. псковичи снова обратились к великому князю с просьбой назначить к ним князя-наместника, указывая опять на Александра Федоровича. Тот вперед себя послал в Псков сына Димитрия, который, пробыв там до середины зимы и не дождавшись отца, уехал в Москву. В 1429 г. псковичи опять про-

сили себе у великого князя наместником того же Александра Федоровича, и тот вместе с сыном приехал в Псков 20 февраля. Говоря о последнем приезде этого князя в Псков, летописец счел нужным заметить, что князь Александр Федорович Ростовский уже в третий раз был избираем в Псков на княжение. Деятельность его на этот раз выразилась в том, что он вместе с посадником Сильвестром заложил в октябре 1431 г. на новом месте, «на реке над Ругодивом [Нарвой] в Залесьи» (по другой летописи, «в Котеленском обрубе») новый городок Выбор, а весной того же года заложил другой город на р. Гдов. Спустя три года (28 февраля 1434 г.) Александр Федорович выехал из Пскова со всей челядью. «А был тот князь, – говорит летописец, – во Пскове трижды, а жития его всего во Пскове [было] 12 год»¹⁵⁷.

Так как летописи после 1434 г. не упоминают об Александре Федоровиче, надо полагать, что он скончался если не в том же 1434 г., то в ближайшее после этого время.

По родословным князь Александр Федорович был женат на дочери Димитрия Константиновича Зернова, праправнука мурзы Чета, неизвестной нам по имени, и от этого брака имел сына Димитрия, не бывшего уже удельным князем, и неизвестную по имени дочь, бывшую за князем Литовским Владимиром Даниловичем¹⁵⁸.

3. Юрий Андреевич (1397–1413). В летописях находим только два известия, касающихся этого князя. Первый эпизод относится к 1396 г., когда Василий Димитриевич совместно с Витовтом потребовал от новгородцев разрыва дружбы с немцами. На требование новгородцы категорически заявили, что они не желают разрыва с немцами. Великий князь из-за упорства новгородцев в следующем, 1397 г. послал в Двинскую землю сильную рать¹⁵⁹. Поход был неудачен: новгородцы взяли верх и среди прочих захватили одного из новгородских изменников Анфала, которому, однако, удалось бежать с дороги опять в Двинскую землю. За ним погнался новгородский воевода Яков Прокофьев с 700 человеками. В то время как новгородцы уже примирились с великим князем, Прокофьев подошел к Устюгу, где в то время был ростовский владыка Григорий с князем Юрием Андреевичем. Получив на свой вопрос, стоят ли владыка, князь и граждане за Анфала, отрицательный ответ, Яков Прокофьев, оставив Устюг в покое, продолжал преследовать Анфала, к которому, противореча своим недавним заверениям, в то время пришли на помощь устюжане¹⁶⁰.

Затем летописи отмечают только год смерти Юрия Андреевича – 1413 г. Князь умер бездетным, приняв перед кончиной иноческий образ с именем Герасим¹⁶¹.

4. Константин Андреевич (умер в 1407 г.). Все сведения об этом князе, находящиеся в летописях, ограничиваются известием, что он скончался в 1407 г. 27 апреля, постригшись в иноки с именем Кассиан¹⁶². Потомства у него не осталось.

5 и 6. Михаил и Борис Андреевичи (XIV–XV вв.) известны нам только по родословным, в которых потомства от них не показано.

Князья Ростовские младшей линии рода Василия Константиновича

Константин Васильевич 1312 – ум. в 1365 г

Имя Константина Васильевича, младшего из двух сыновей Василия Константиновича, в первый раз встречается в летописях под 1328 г.: в этом году он женился на Марии, дочери Ивана Даниловича Калиты¹⁶³.

Подобные родственные связи, как известно, Калита завязывал, конечно, не без политических расчетов: посредством их он надеялся иметь влияние на князей, с которыми рождался.

И действительно, после вступления в родство с ростовским княжеским домом мы видим, что как Константином, так и Ростовом московские князья распоряжаются вполне. Мы уже говорили выше, что Иван Данилович, вскоре после того, как стал великим князем, послал в Ростов в качестве наместника боярина Василия Кочеву, который распоряжался там, как полновластный господин. Других князей – не только удельных, но и великих – Иван Данилович тоже старался, так сказать, прибрать к рукам, нередко при посредстве Орды. Так, в 1339 г. «по его думе» позваны были в Орду Василий Грозный, князь Ярославский, и великий князь Тверской Александр. О ростовских князьях в этом эпизоде в летописи не говорится ничего, и, надо полагать, потому, что они, ослабленные дроблением своей отчины и домашними раздорами, не могли уже оказывать сопротивления сильному князю Московскому и были у него в совершенном подчинении. Так, в 1340 г., когда татары во главе с Товлубием шли через Рязанскую землю наказать за что-то смоленских князей, Иван Данилович, по приказанию хана, должен был послать на помощь Товлубию свои войска. В числе других князей он послал и Константина Васильевича Ростовского¹⁶⁴. Далее, по смерти Ивана Калиты, когда Семен Гордый хотел наказать новгородцев в том же 1340 г., то призвал в Москву для участия в этом походе суздальского и ярославского князей, а также и Константина Ростовского¹⁶⁵.

Года через два после (в 1342 г.) Константин Васильевич, как и другие князья, ездил в Орду на поклон к новому хану Чанибеку¹⁶⁶.

Затем летописи не передают никаких известий о Константине Васильевиче в течение шести лет, т. е. до 1348 г. (по другим – до 1347 г.). В упомянутом году шведы стали угрожать войной новгородцам; те, не надеясь только на собственные силы, обратились с просьбой о помощи к великому князю Семену Гордому. Семен сам пошел было в Новгород, но с дороги вынужден был воротиться, так как хан через своих послов требовал его в Орду, и отправил в Новгород брата Ивана вместе с князем Константином Ростовским¹⁶⁷.

После этого похода 11 лет летописи опять ничего не говорят о Константине Васильевиче. Только со времени кончины великого князя Ивана II Ивановича, оставившего двух малолетних сыновей, когда для Северо-Восточной Руси наступила смутная година, имя Константина Ростовского снова появляется у летописцев. У наследника Ивана Ивановича Дмитрия (впоследствии Донского) великокняжеский титул стал оспаривать князь Суздальский Дмитрий Константинович. Удельные князья, испытывавшие на себе гнет московских князей, подняли головы: они старались освободиться от опеки Москвы, и в спорах и раздорах московского и суздальского князей их сочувствие было на стороне последнего. Пользуясь этими раздорами, они ездили в Орду, где старались получше устроить свои дела, и это им удавалось, хотя в Орде происходили тогда кровавые смуты и перевороты. Константин Ростовский не отставал от других: в 1360 г. он выхлопотал в Орде ярлык на все княжение Ростовское¹⁶⁸, а следовательно, и на изгнание из Ростова своего племянника князя Андрея Федоровича, владевшего Сретенской стороной.

В том же году, зимой, в Орду явились жукотинские князья с жалобой на разбой новгородцев, или, лучше сказать, новгородских удальцов – ушкуйников, которые ограбили и побили в Жукотине множество татар. Хидырь, бывший в это время ханом, прислал троих послов к русским князьям с требованием, чтобы разбойники были доставлены в Орду. Князья, в числе которых был и Константин Ростовский, съехались в Костроме и после совещаний решили исполнить волю хана¹⁶⁹. В следующем, 1361 г. князья опять ездили в Орду, где происходила тогда страшная «замятия». Дмитрий Иванович Московский прибыл в Орду раньше других князей, раньше и выехал оттуда, еще до смуты; прочие же князья, Андрей и Дмитрий Константиновичи, Михаил Давидович Ярославский (собственно, Моложский) и Константин Ростовский были свидетелями убийства Хидыря; естественно, что при такой сумятице русские князья не могли считать себя в безопасности и спешили удалиться из Орды. Но не все счаст-

ливо выбрались оттуда: есть сведения, что татары тогда «ограбиша князей Ростовских в орде и пустиша их нагих»¹⁷⁰. Летописи не говорят, с какой целью князья ездили в Орду, но, судя по тому, что происходило в это время в княжествах, и по последующим событиям, похоже, они ездили для решения своих домашних споров и счетов.

В 1362 г. между ростовскими князьями Константином и Андреем «сотворися нелюбье», которое, кажется, объясняется тем, что Константин выхлопотал в Орде ярлык на все Ростовское княжение. Чем-то еще трудно объяснить события в Ростове последующих ближайших годов. В 1363 г., как мы видели, князь Андрей Ростовский был в Переяславле, где он, как кажется, искал помощи против дяди. Отсюда Андрею сопутствовал в Ростов князь Иван Ржевский «с силою великою»¹⁷¹. Ржевские, как известно, служили московским князьям, следовательно, и «великая сила», шедшая с князем Ржевским, была силой московской, данной Андрею в помощь против дяди. Затем под 1364 г. встречаем в летописях известие об отъезде Константина в Устюг. Очевидно, племянник, поддерживаемый Москвой, взял верх над дядей. Москва, как известно, не благоволила к Константину: под 1363 г. есть, в частности, известие в Никоновской летописи, что великий князь, взяв «волю свою» над Дмитрием Константиновичем Суздальским, таковую же взял и над Константином Ростовским. Все эти неблагоприятные для Константина обстоятельства заставили его уехать подальше от центра событий, не быть на виду у врагов, чтобы не накликать на свою голову еще горших неприятностей; никак иначе нельзя объяснить его отъезда в Устюг.

В летописях нет сообщений, возвратился ли Константин из Устюга в Ростов и когда именно; известно только, что Константин скончался от моровой язвы, свирепствовавшей в 1365 г. в Твери и Ростове, и погребен в Ростовском Успенском соборе¹⁷².

Как было уже замечено выше, Константин Васильевич был женат на Марии, дочери Ивана Калиты, умершей в один год с мужем. От этого брака у Константина были дети: Иван, Глеб, Василий, Александр, Владимир и дочь, по некоторым известиям, княжна Агафия, бывшая второй супругой Любарта Гедиминовича, в крещении Василия, князя Волынского¹⁷³.

Иван и Глеб Константиновичи **Ум. в 1365 г**

О двух старших сыновьях Константина Васильевича Иване и Глебе мы узнаем только из родословных, которые считают их бездетными. Летописи хотя и не упоминают о них, но мы считаем за несомненным на основании одного летописного известия, что они скончались в 1365 г. В Никоновской летописи (IV, 8) под указанным годом сказано: «Того же лета князь Костянтин и з женою и з детьми преставись». Так как после этого года следующие за Иваном и Глебом сыновья Константина еще упоминаются в летописях, в приведенном месте Никоновской летописи нужно понимать под умершими детьми Константина двух его старших сыновей¹⁷⁴.

Василий Константинович **1365–1375**

О Василии Константиновиче летописи сохранили только одно известие – о его участии в походе великого князя Дмитрия Ивановича на Тверь в 1375 г. Никаких других сведений об этом князе ни в летописях, ни в родословных не находим. Некоторые из последних, исключительно новейшие, или смешивают этого князя с его младшим братом Владимиром, и в таком случае называют его двумя именами (Владимир-Василий), или же признают только одного

Василия, ничего не говоря о Владимире, которого старые родословцы считают отдельно от Василия¹⁷⁵.

Был ли женат Василий – неизвестно; сведений о его потомстве не встречаем ни в летописях, ни в родословных.

Александр Константинович 1365 – ум. в 1404 г

Четвертый сын¹⁷⁶ Константина Васильевича Александр известен не только по родословным, но и по летописям. Из летописных известий мы узнаем, что в борьбе тверского князя Михаила Александровича с Дмитрием Ивановичем Московским (Донским) князь Александр Константинович Ростовский держал сторону последнего и вместе с ним в 1375 г. ходил на Тверь, как и братья его, князья Ростовские, – родной Василий и двоюродный Андрей Федорович¹⁷⁷. Затем летописи ничего не говорят об Александре Константиновиче до самой его кончины. Кончина последовала в июне (по одним летописям – 9-го, по другим – 19-го) 1404 г.; означенный князь скончался, приняв иноческий чин с именем Андрей¹⁷⁸.

От брака с неизвестной Александр Константинович имел сыновей Андрея, Федора и Ивана.

Владимир Константинович XIV–XV вв

Владимир Константинович известен нам только по родословным, которые дают ему двух сыновей: Константина и Ивана, по прозвищу Бычок¹⁷⁹.

1. О старшем сыне Владимира Константиновича Константине Владимировиче известно только, что он умер бездетным в 1415 г.¹⁸⁰

2. Младший брат Константина Иван известен только по родословным, из которых видно, что он имел двух сыновей, Александра и Дмитрия, по прозвищу Бритый.

Александр Иванович, старший внук Владимира Константиновича, известен только по родословным, по которым за ним считается пять сыновей: Василий, по прозвищу Ластка, род которого угас с его сыном Юрием Ласткиным-Ростовским; Михаил Касатка, родоначальник и поныне существующих князей Касаткиных-Ростовских, Иван Лобан, родоначальник и теперь существующего рода князей Лобановых-Ростовских, бездетный Иван-Ян и, наконец, Федор Голубой, родоначальник угасших князей Голубых-Ростовских, род которого пресекался в конце княжения Ивана III с его внуком Петром Васильевичем Голубым-Ростовским.

Брат Александра Ивановича Дмитрий, по прозвищу Бритый, жил во второй половине XV в. Он известен только по родословным. Сыновья его Василий, Юрий и Владимир, по прозвищу Болох, уже не были удельными князьями и писались князьями Бритыми-Ростовскими. От одного из внуков князя Дмитрия Ивановича Бритого, князя Василия Юрьевича по прозвищу, как и дед его, Бычок, произошел давно уже угасший род князей Бычковых-Ростовских.

Андрей Александрович 1380–1417

Во второй половине XIV в. ростовские князья до того ослабели и подчинились Москве, что в конце этого столетия и начале XV, сохраняя еще значение князей владельцев, являются как бы обыкновенными слугами великого князя Московского. Так, в 1410 г. по просьбе псковичей Василий Дмитриевич посылает к ним князем Александра Федоровича Ростов-

ского¹⁸¹; в 1415 г. в Псков приезжает и Андрей Александрович (старший внук Константина Васильевича), конечно, по воле великого князя (хотя в летописях это и не оговаривается). Но ему, как и его предшественнику, недолго пришлось княжить в Пскове: 17 июля 1417 г. псковичи выгнали его, вероятно, за слишком сильные притеснения¹⁸².

Только этими известиями и ограничиваются все наши сведения об Андрее Александровиче.

По родословным у Андрея Александровича было шесть сыновей: Иван, прозванием Брюхатый, Димитрий, Федор, Владимир, Иван-Ян и, наконец, Петр¹⁸³.

Из этих сыновей Димитрий, Федор и Петр известны только по родословным, которые считают их бездетными, почему в отдельности говорить о них мы не будем, – а об остальных троих надо заметить следующее:

1. Иван Андреевич Брюхатый (умер до 1474 г.)¹⁸⁴ считается родоначальником угасших княжеских родов Хохолковых-Ростовских, Катыревых-Ростовских (через внука, по имени также Иван Андреевич, по прозвищу Катырь) и Буйносовых-Ростовских (через другого внука, Ивана Александровича, по прозвищу Буйное). Дети его, Андрей и Александр, по прозвищу Хохолки, были еще, хотя, может быть, и не до конца своей жизни, удельными князьями, так как только при них в 1474 г. их дядя Владимир и Иван Долгий за себя и за них продали свою отчину великому князю Московскому.

2. Владимир Андреевич (1461–1474), четвертый сын Андрея Александровича, известен нам и по родословным, и по летописям. В 1461 г. из Пскова, где князья обычно не засиживались подолгу, выехал «в неделю Святых Отец» – точно не известно, по какой причине, – великокняжеский наместник князь Иван Васильевич Оболенский-Стрига; псковичи отправили с ним послов, вручив им 50 рублей для подарка великому князю («и послаша псковичи к князю великому 50 рублей на дарове»). Стрига выехал, кажется, из-за неудовольствия, возникшего вследствие враждебных отношений Пскова с немцами. По крайней мере, летописец, заметив, что псковские после отправились со Стригой к великому князю, говорит далее, что от последнего они возвратились «вей добры здоровы, а князь великой свою отчину жалует добровольных людей, врекается боронити и стояти за дом святыя Троица и за мужей псковичь»¹⁸⁵. Вот потому-то в том же 1461 г. великий князь и послал «наместника своего во Псков на княжение князя Володимера Андреевича». Мы уже говорили, к чему стремились великие князья Московские в отношении Новгорода и Пскова. С Новгородом еще приходилось поступать осторожно, потому что он был сравнительно силен; но с Псковом можно было не церемониться, говоря обыденным языком. Для Москвы единение Новгорода с Псковом не могло быть приятным уже потому, что две объединившиеся силы в любом случае опаснее, чем одна. А в программе московских князей было именно разъединение сил, чтобы в лице их образовалась единовременная сила для всей Руси.

Итак, с Псковом не церемонились. Действительно, занеся на свои страницы известие о назначении для Пскова преемника Стриги-Оболенского, т. е. наместника великого князя, летописец об этом наместнике, Владимире Андреевиче, замечает, что он назначен великим князем «не по псковскому прошению, не по старине»¹⁸⁶. Однако псковичи приняли нового наместника с честью и посадили его «на княжении в Пскове». Но недолго пришлось князю Владимиру Андреевичу сидеть на Псковском столе: «тоя же осени [1462 г.], – сказано в летописи, – выгнаша псковичи месяца сентября, при посаднике степенном Максиме Ларивоновиче, князя Володимера, а он приеха не по псковской старине, псковичи не зван, а на народ не благ, и изо Пскова с безчестием поеха на Москву, к великому князю Ивану Васильевичу жалитися на пскович; а был во Пскове с полтора года на столу»¹⁸⁷. Великий князь до того разгневался на псковичей, что не допускал на глаза псковских послов три дня.

Затем еще только раз летопись упоминает этого князя по поводу продажи им, совместно с его двоюродным братом Иваном Ивановичем Долгим, а также собственными детьми, половины Ростова, называвшейся Борисоглебской стороной, великому князю Ивану III Васильевичу¹⁸⁸.

До нас не дошло известий, на ком был женат Владимир Андреевич, но знаем, что он имел двух сыновей Димитрия и Александра, бывших в Москве в боярах.

3. Иван-Ян Андреевич (1425 – умер до 1474 г.)¹⁸⁹ известен только по родословным. Он умер до 1474 г., т. е. до года продажи великому князю Борисоглебской стороны Ростова, а следовательно, как он, так и его дети до 1474 г. должны считаться удельными князьями.

Сыновья Ивана Андреевича Василий Губка, Иван Темка, Семен и Димитрий вообще известны только по родословным, почему мы и не будем говорить о каждом из них в отдельности. Впрочем, об Иване Темке заметим, что он упоминается и в летописи как воевода, павший 8 сентября 1514 г. в битве с литовцами под Оршей.

Иван-Ян Андреевич считается родоначальником угасших князей Яновых-Ростовских, а через сына Ивана Темку и Темкиных-Ростовских, также угасших¹⁹⁰.

Федор Александрович 1380 – ум. в 1420 г

Федор Александрович, второй сын Александра Константиновича, выходит на сцену в то время, когда, с одной стороны, происходил разлад между Псковом и Новгородом, с другой – между Новгородом и Москвой.

В 1397 г. великий князь Василий Димитриевич совместно с Витовтом потребовал у новгородцев разрыва дружбы с немцами, бывшими во вражде с великим князем Литовским. Новгород не исполнил этого требования, и в Двинскую землю была двинута московская рать. Утесняемые корыстолюбием Новгорода, двиняне, сами новгородские выходцы, охотно встали на сторону Москвы и приняли к себе великокняжеского наместника, ростовского князя Федора Александровича. Новгородцы в свою очередь также вооружились: опустошили и сожгли старый Белозерск, а с нового взяли откуп; разорили Кубенские волости и подступили к Гледену, безуспешно осаждали его три недели, сожгли, наконец, посады вокруг Устюга и соборную церковь последнего. Здесь новгородцы разделились на две партии, из которых одна пошла к Галичу, а другая – на Двинскую землю и там осадила крепость Орлец, где сидел великокняжеский наместник с новгородскими двинскими воеводами, приставшими к Москве. После упорной осады, продолжавшейся около месяца, новгородцы взяли крепость, а вместе с ней и сидевших там двинских воевод; князя же Федора Ростовского, взяв у него «присуд и пошлины», отпустили восвояси со всеми ратными людьми¹⁹¹.

После этого в течение лет десяти в летописях не встречается упоминаний о Федоре Александровиче.

В 1408 г. Ростов постигло несчастье: он выгорел едва не весь. В довершение в это же время Ростов в числе других городов взят был татарами, пришедшими к Москве с Едигеем. Епископ, князья и граждане ростовские бежали из города¹⁹².

Несколько позднее потомки суздальско-нижегородского князя Константина пытались вернуть свою отчину – Нижний Новгород, на который великий князь Василий Димитриевич еще в 1390 г. купил в Орде ярлык, при помощи которого он уже без особого труда овладел Нижним. В 1411 г. дети Бориса Константиновича Даниил и Иван подошли к Нижнему Новгороду с князьями Болгарскими, Жукотинскими и Мордовскими. Против них великий князь выслал брата Петра; с ним были и князья Ростовские и Ярославские (не названные поименно). Бой произошел при с. Лыскове (Макарьевского уезда) 15 января¹⁹³, сеча была злая, по словам летописца, так что с обеих сторон пало много народу; Борисовичи «стали на костях», т. е. одержали

полную победу, но эта победа была, кажется, не лучше поражения¹⁹⁴: мы видим, что Борисовичи опять после этой победы хлопочут в Орде о возвращении своей отчины¹⁹⁵; в 1412 г. они вышли из Орды от Зелени-Салтана, пожалованные ярлыком на нее. Но один ярлык теперь имел уже небольшое значение: нужно было подкрепить его силой. Василий Димитриевич в 1414 г. выслал против них брата Юрия Димитриевича, с которым были Андрей и Василий Владимировичи, дети Владимира Храброго, а также князья Ярославские и Ростовские (и на этот раз не названные поименно)¹⁹⁶.

Служа московским князьям как воин, Федор Александрович служил им и как администратор, говоря современным языком.

Побуждаемые дурными отношениями с соседями, немцами и новгородцами, псковичи постоянно обращались к великому князю с просьбой, чтобы он дал им князя. Просьбы удовлетворялись, но князья, кажется, больше из-за жадности к приобретению богатства, не уживались с псковичами. В 1415 г. те приняли к себе Андрея Александровича Ростовского, а в 1417 г. выгнали его. В том же году чрез послов они выпросили себе у Василия Димитриевича в князя Федора Александровича Ростовского, который и приехал к ним в декабре. Этот князь, как кажется, пришелся по нраву псковичам¹⁹⁷. На следующий год (28 августа 1418 г.) Федор Александрович и псковские граждане отправили в Новгород послов, которым удалось заключить мир с новгородцами¹⁹⁸. Но недолго, однако, пришлось Федору Александровичу жить в Пскове: в 1420 г. во время начавшегося там мора Федор Александрович заболел, постригся в монахи и уехал в Москву¹⁹⁹. Надо полагать, в том же году он и скончался. Супруга его, неизвестная нам по происхождению и имени, скончалась в 1425 г.²⁰⁰

Что касается детей Федора Александровича, как старые, так и новые родословные относительно этого предмета несогласны; несомненно, впрочем, что у него был сын Александр, известный только по родословным, почему о нем мы и не будем говорить в отдельности²⁰¹.

Иван Александрович XIV–XV вв

Младший сын (третий) Александра Константиновича Иван Александрович известен нам только по родословным, которые дают ему пятерых сыновей: Андрея, Василия-Варсонофия, Константина (все трое бездетны), Ивана, по прозвищу Долгий, и Александра²⁰².

Относительно троих старших сыновей следует сказать только, что они известны нам исключительно по родословным, которые считают их бездетными. Что же касается двух младших, то о них заметим следующее:

1. Иван Иванович Долгий, его двоюродный брат Владимир Андреевич и их дети зимой 1474 г. «продаша великому князю Ивану Васильевичу... свою отчину половину Ростова со всем»²⁰³. Таким образом, дети его Владимир Волох, Иван Брюхо, Иван Верша и Михаил Шендан уже не были удельными князьями и писались Пужбольские-Ростовские. Род их пресекся на бездетном сыне Михаила Шендана Иване, так что Пужбольских-Ростовских князей и с их родоначальником было только три поколения.

2. Александр Иванович, известный нам только по родословным, должен считаться еще удельным князем, так как, очевидно, он умер раньше старшего брата Ивана, иначе последний должен был бы продавать отчину и с его согласия²⁰⁴.

Итак, более чем двухвековая самостоятельность Ростовского удельного княжества кончилась в 1474 г. С этого года великие князья Московские, которые сначала владели только одной половиной Ростова, Сретенской, приобретенной ими раньше, стали распоряжаться всем Ростовом, как своей собственностью. Так, Василий Васильевич Темный в 1462 г. отдает поло-

вину Ростова супруге, по смерти которой эта половина переходит к их сыну Юрию²⁰⁵; Иван III Васильевич после смерти своего брата Юрия в 1472 г. берет бывшую за ним половину Ростова себе²⁰⁶, а в 1474 г. весь Ростов, и уже навсегда, входит в состав Великого княжества Московского²⁰⁷.

Удельное княжество Ярославское

О времени основания г. Ярославля, как и о личности его основателя, определенных известий до нас не дошло. В летописях Ярославль в первый раз упоминается под 1071 г. по случаю голода в Ростовской области, когда из этого города вышло двое волхвов, которые, обходя селения, указывали на лучших женщин, как на виновниц постигшего Ростовскую область зла. Не по мановению, однако, волшебного жезла вдруг явился Ярославль, и если он под 1071 г. уже упоминается, то основание его, конечно, должно быть отнесено к более раннему времени. Все наши крупные историки, а за ними и остальные думают, что Ярославль основан Ярославом Владимировичем Мудрым. Следуя общепринятому мнению о личности основателя Ярославля, скажем, однако, что, если уж говорить об основателе, нужно было бы решить хотя бы предположительно еще следующие вопросы: назван ли Ярославль по имени основателя или по чему-нибудь другому? Не назван ли он в честь (например, по случаю рождения) какого бы то ни было Ярослава? Наконец, не назван ли он в память Ярослава?

Несомненно только одно, что название Ярославля тесно связано с именем Ярослава, и именно Владимировича: если бы Ярославль основан был даже не ранее 1071 г., то и в этом случае, кроме Ярослава Владимировича, мы не нашли бы другого Ярослава, по имени которого мог бы быть назван этот город.

Принимая за несомненное, что Ярославль основан Ярославом, многие трудились над вопросом о времени его основания. На этот счет существует два мнения: по одному из них, Ярославль основан не тогда, когда Ярослав был удельным князем Ростовским, так как ему при назначении удела было только около 11 лет и он вскоре получил другой удел – Великий Новгород, а основан Ярославом уже в то время, когда он был великим князем, и притом во время мира с братом Мстиславом, время, более удобное для внутреннего устройства государства. По мнению же других, Ярослав основал город своего имени, будучи удельным князем Ростовским. Последнее принадлежит г. Рогозинникову и состоит собственно в признании достоверности за древним свидетельством, которое приводит Татищев, согласно которому старший брат Ярослава Вышеслав Новгородский скончался в 1010 г.

Ярослав, следовательно, мог переехать в Новгород не ранее упомянутого года. Таким образом, Ярослав пробыл на Ростовском уделе с 11- до 32-летнего возраста и в этот период мог поставить город хотя бы для защиты от нападений мери и черемисы²⁰⁸. Отвергать известия Татищева пока нет оснований, а потому за последним мнением следует признать большую степень близости к истине, если уж принимать, что Ярославль, несомненно, основан Ярославом.

Ярославль первоначально тесно примыкал к более древнему Ростову и обязан обстройкой и многими зданиями, особенно же построением церквей, князю Ростовскому и некоторое время великому князю Владимирскому, Константину Всеволодовичу, который и считается родоначальником князей Ярославских.

У Константина Всеволодовича от брака его с дочерью великого князя Киевского Мстислава Романовича, известной нам по иноческому имени (Агафия), было три сына: Василько – князь Ростовский, Всеволод – Ярославский и Владимир – Углицкий.

Таким образом, ряд владетельных ярославских князей начинается с среднего Константинова сына Всеволода.

Собственно ярославские владетельные князья

Всеволод Константинович

Род. в 1210 г. – ум. в 1238 г

Всеволод Константинович, нареченный при крещении Иоанном (первое имя – княжеское), родился 18 июня 1210 г. в Ростове. Здесь же 23 мая 1212 г. совершены были над ним и старшим братом его, Васильком, постриги – известный старинный обряд. «И бысть радость велика в граде Ростове», – замечает по этому поводу летописец²⁰⁹.

Постриг совершался над княжичами еще в младенческом возрасте и знаменовал, скажем словами нашего историографа, вступление их в гражданское бытие, в чин благородных всадников²¹⁰. Действительно, в старину дети не только обычных граждан, но и княжеские рано выступали на путь практической, деятельной жизни. Если они и не были в раннем возрасте самостоятельными деятелями, то часто бывали свидетелями известных событий, в которых принимали иногда участие под присмотром других с целью ознакомления с практической стороной жизни. Так было и с Всеволодом Константиновичем.

В 1215 г. у Ярослава Всеволодовича вышел раздор с новгородцами, и он выехал из Новгорода в Торжок, откуда хотел мстить новгородцам за причиненную ему обиду; на защиту последних явился Мстислав Удалой, а на помощь Ярославу пришел его брат Юрий и полки другого брата, Константина. При этих последних полках находился сын Константина Всеволод, пятилетний ребенок²¹¹.

В начале зимы 1218 г., незадолго до своей смерти, Константин Всеволодович, тогда великий князь Владимирский, назначил двум старшим сыновьям, Васильку и Всеволоду, уделы: первому – Ростов, а второму – Ярославль. «Возлюбленей мои чаде, – говорил в напутствие своим детям Константин, – будита меж собою в любви, Бога бойтася всею душею, заповеди Его во всем сблюдающа, и моя нравы вся восприимете, яже мя видеста творяща: нищих и вдовиц не презрита, церкви не отлучайтася, иерейский и мнишьский чин любита, и книжнаго поученья слушайте, и будита в любви меж собою, и Бог мира буди с вами; имейта послушанье к старейшим вас, иже вас на добро учать, понеже еще еста в младеньстве; аз бо вем, сына моя, яко отшествие мое близь приближается от света сего, и се поручаю вас Богу и пречистей Его Матери и брату и господину Гюргю, да то вы будеть в мене место»²¹². Таким образом, Всеволод Константинович получил в удел Ярославль и, как покажет дальнейшая история Ярославского княжества, земли по р. Мологе и впадающей в нее р. Сити²¹³.

Надо думать, что уже при первом своем князе Ярославль был обширным городом. Так, по крайней мере, можно заключить из известия Никоновской летописи о пожаре 1221 г., истребившем почти весь город, причем одних церковей сгорело 17²¹⁴. Конечно, нужно было позаботиться о возобновлении города, которое, несомненно, началось при том же князе; есть известие, что в 1224 г. Всеволод Константинович достроил в Спасопреображенском монастыре церковь, заложенную еще его отцом²¹⁵.

Братья Константиновичи свято исполняли завет отца по отношению к своему дяде Юрию Всеволодовичу: за исключением временного союза с Ярославом Всеволодовичем, направленного против Юрия, они постоянно находились на стороне старшего дяди и делили с ним труды боевой жизни. Так, под 1224 г. находим известие в одной летописи, что великий князь Юрий Всеволодович посылал брата Владимира и племянника Всеволода Константиновича с полками, но куда – в летописи не досказано²¹⁶.

Через два года после этого, в 1226 г., мы опять видим Всеволода в походе его дяди к Чернигову. В указанном году Юрий Всеволодович, вместе с двумя старшими племянниками Константиновичами, ходил на помощь князю Черниговскому Михаилу Всеволодовичу в борьбе его с Олегом, князем Курским. До кровопролития, впрочем, не дошло, так как присланный киевским князем Владимиром Рюриковичем митрополит Кирилл сумел примирить враждовавших князей, и северные князья, оставив Михаила спокойно княжить в Чернигове, вместе с митрополитом ушли в Суздальскую землю²¹⁷. Всеволод немного спустя после этого похода сумел даже породниться с курским князем. В 1227 г. Юрий Всеволодович послал его на княжение в южный Переславль, куда Всеволод прибыл в том же году 15 сентября, а в следующем, 1228 г. женился на дочери Олега Марине²¹⁸. Но Всеволод Константинович недолго жил на юге: в том же 1228 г. мы опять видим его на севере. Кроме того, есть известие, что в 1229 г. (по другим источникам – в том же 1228 г.) Юрий Всеволодович послал в киевский Переславль своего брата Святослава. Вероятно, Всеволоду неудобно было управлять столь отдаленными друг от друга городами, как Ярославль и киевский Переславль²¹⁹.

В 1228 г. в середине января Юрий Всеволодович ходил на мордву «в Пургасову волость». В походе наряду с Ярославом Всеволодовичем, братом Юрия, и Юрием Давидовичем Муромским принимали участие и братья Константиновичи, Василько Ростовский и Всеволод Ярославский. Князья пожгли и потравили жито, били скот – мордва разбежалась по лесам и чащобам. «Молодии» Ярослава Всеволодовича и Константиновичей, заметив это, на следующий день тайно от предводителей углубились в лес; мордва давала им путь, а те обошли ее вокруг, многих из скрывающихся убили, многих взяли живыми; некоторые успели бежать в укрепленные места («в тверди»), но и там были убиты, так что князьям некого было воевать. Один болгарский князь пришел в это время в Пурему, Юриева присяжника (ротника), но, узнав, что Юрий с братьями жжет мордовские селения, ночью бежал. Князья русские, по выражению летописи, «возвратишася [из этого похода] всояси добри здорови»²²⁰.

В 1229 г. между братьями Ярославом и Юрием Всеволодовичами началась вражда. Летописи делают только неясные для нас намеки на причину этой вражды: «Ярослав Всеволодич, слушая неких льсти... мысляшет противитися Юрию брату своему». Он сумел восстановить против него и всех троих племянников Константиновичей. Но «благоразумный князь Юрии» призвал их на совещания по этому делу («на снем», на сейм) в Суздаль и разумными речами склонил брата и племянников к примирению: последние «поклонишася Юрию вси, имуще его отцем собе и господином». 7 сентября князья целовали крест, а следующий день (Рождество Богородицы) праздновали и веселились у епископа Митрофана и, богато одаренные, разъехались по своим отчинам²²¹.

Из-за своих отношений с Новгородом Ярослав Всеволодович находился в это время во вражде с Михаилом Всеволодовичем, князем Черниговским. В самом Новгороде происходила вражда между посадником Водовиком и сыном известного посадника Твердислава. К усобицам присоединились голод и мор. Народ с нетерпением ожидал в Новгород черниговского князя, но Михаил медлил, потому что хотел прежде примириться с Ярославом, собиравшимся на него войной. В 1230 г. к великому князю Юрию, к брату его Ярославу и их племянникам Константиновичам приходили от киевского князя Владимира Рюриковича митрополит Кирилл и от Михаила Черниговского епископ Порфирий, «прося мира Михаилу с Ярославом». Посольство достигло своей цели: враждующие князья примирились. Но черниговский князь явно нарушал мир, которого сам же так сильно добивался: принимал новгородских беглецов, врагов Ярослава. Сам великий князь, возмущенный таким поведением Михаила, выступил против него с войском. С дороги, впрочем, Юрий вернулся, но Ярослав и Константиновичи выжгли Серенек, осаждали Мосальск и причинили много зла жителям²²².

Прошло с этих пор 7 лет спокойно для Всеволода: по крайней мере, летописи за этот период ничего не говорят ни о Ярославле, ни о ярославском князе. Но в 1237 г. появляются вновь неведомые пришельцы, которые 13 лет назад жестоко побили русских на р. Калке и о которых почти забыли на Руси. Это были татары... Разгромив Рязань, они, опустошая все по пути, подступили к Владимиру, который взят был ими 7 февраля. Великий князь еще до их прихода отошел в Ярославскую область и вместе с тремя племянниками Константиновичами ожидал других князей, намереваясь дать здесь отпор татарам. Как известно, битва, произошедшая 4 марта 1238 г., была несчастна как для участвовавших в ней князей, так и для всей Руси: великий князь пал в этой битве; Василько Ростовский был взят в плен, убит и брошен в Шеренском лесу; в этой же битве пал славною смертью и первый удельный князь Ярославский Всеволод Константинович²²³.

Всеволод Константинович, как уже было сказано выше, был женат с 1228 г. на Марине²²⁴, дочери Олега Святославича, князя Курского, от брака с которой имел двух сыновей: Василия и Константина.

Василий Всеволодович **Род. в 1229 г. – ум. в 1249 г**

О времени рождения Василия Всеволодовича в летописях не сохранилось известий. Впрочем, принимая во внимание, что отец его женился в 1228 г., а сам Василий умер в 1249 г., оставив дочь, можно приблизительно сказать, что он родился не позднее 1229 г. и в брак вступил не ранее 1245 г.²²⁵

В первый раз Василий Всеволодович упоминается в летописях под 1238 г. при перечислении князей, оставшихся в живых после Батыева погрома²²⁶.

В 1239 г. в числе других князей Василий Всеволодович ходил в Орду «про свою отчину», как выражается летопись, т. е. для своего утверждения волей хана на Ярославском княжестве²²⁷. Батый милостиво принял князей, за каждым из них утвердил их «отчины» и отпустил, как говорят летописи, «с честью»²²⁸. После этого Василий Всеволодович еще два раза ходил в Орду: в 1244 г. с Владимиром Константиновичем Углицким так же, как и в 1239 г., «про свою отчину», и в следующем, 1245 г. с великим князем Ярославом Всеволодовичем, неизвестно по какому случаю²²⁹.

Затем летописи отмечают только год и (неопределенно) день кончины Василия Всеволодовича во Владимире, а именно зиму 1249 г. «на память св. Феодора». Великий князь Александр Ярославович Невский, Борис и Глеб Васильковичи (ростовский и белозерский князья) и мать их, княгиня Мария, провожали тело родича, которое погребено было 8 февраля епископом Кириллом в Успенской Златоверхой церкви в Ярославле²³⁰.

Из родословных мы знаем, что Василий Всеволодович был женат на Ксении, о происхождении которой сведений не сохранилось. От брака с ней он имел сына Василия и дочь Марию. О последней мы скоро будем говорить; что же касается князя Василия, то теперь же заметим, что он упоминается только в Никоновской летописи под годом смерти его отца²³¹. Больше мы ничего не знаем о нем; его не знают даже родословные, по крайней мере, известные нам. Надо полагать, что если и верно известие Никоновской летописи, то Василий умер в младенчестве.

Константин Всеволодович 1238 – ум. в 1255 (1257) г

Константин Всеволодович не упоминается ни в летописях, ни в родословных. О его существовании известно только по местному преданию, согласно которому он был младшим сыном Всеволода, и по житию и сказаниям об обретении мощей святых благоверных князей Ярославских Василия и Константина Всеволодовичей.

Если не принимать некоторых нелетописных сказаний, очень сомнительных, по которым оба брата Всеволодовичи были убиты татарами в битве в 1255 или 1257 г., следует полагать, что Константин Всеволодович занял Ярославский стол в 1249 г., т. е. по смерти старшего брата. По преданию, Константин Всеволодович, добиваясь независимости от татар, пал в битве на Туговой горе (за р. Которослью, где теперь кладбище) в 1255 или 1257 г. и погребен в Успенском соборе подле старшего брата²³².

Федор Ростиславич Черный Род. в 1240 г. – ум. в 1299 г

Был или не был на Ярославском столе святой Константин Всеволодович, утверждать, конечно, трудно²³³. Положительно же известно только, что по прекращении мужского поколения в роде Всеволода Константиновича Ярославское княжество осталось за его внучкой Марией Васильевной.

Так как Ярославль вместе с Угличем и Белоозером выделился в особое княжество из прежде единого Ростовского, то ростовский князь, по существовавшему тогда в случаях подобных такому обычаю, мог бы оставить Ярославль только в пожизненное владение вдове Василия Всеволодовича, а по смерти последний, пристроив ее дочь, т. е. выдав ее замуж, опять присоединить Ярославль к Ростову. Но этого не случилось, и Ярославль перешел во владение Марии, внучки Всеволода. Чем же это объясняется? Мы видели, что во Владимире в 1249 г., когда там был князь Василий Всеволодович, были также и его двоюродные братья, князья Ростовский и Белозерский Борис и Глеб Васильковичи. Не был ли поэтому Василий Всеволодович у князя Александра Невского и брата его Андрея – тогда великого князя – именно для обсуждения судьбы Ярославского княжения в случае отсутствия у него, Василия, мужского потомства? Не были ли тогда во Владимире с той же целью и Васильковичи, как близко заинтересованные в этом деле? Конечно, это только предположение, но оно представляется, по нашему мнению, единственно близким к истине²³⁴.

Мария Васильевна, как это можно заключить из приблизительно выводимого года, когда ее отец мог вступить в брак, была от роду в 1249 г., в котором умер Василий Всеволодович, около трех лет. Делами княжества, следовательно, управляла ее мать и бояре²³⁵. Это продолжалось до ее замужества, после чего управление княжеством перешло в руки ее супруга, князя Федора Ростиславича, к обзору жизни и деятельности которого мы и перейдем.

Федор Ростиславич, внук Мстислава Давидовича, был третьим сыном (из четырех) Ростислава, князя Смоленского. О времени его рождения сведений не дошло, но исходя из приблизительного времени его вступления в брак можно сказать, что родился он не позднее 1240 г.

Старшие братья князя Федора Глеб и Михаил, «изобидеша его», как выражается летопись: они дали ему только Можайск; когда именно это было, летописных известий, впрочем, не осталось²³⁶. Не дошло до нас известий и о времени вступления Федора Ростиславича в брак, который состоялся после обсуждений этого вопроса с двоюродными дядьями Марии Васильевны Борисом и Глебом Васильковичами. Впрочем, приблизительно можно указать это

время. Если принять в расчет, что отец Василия женился в 1228 г., следовательно, Василий Всеволодович мог родиться никак не ранее этого года, то и жениться он едва ли мог раньше 1245–1246 г., а так как Василий Всеволодович умер в 1249 г., то и дочь его Мария могла родиться только в промежутке между указанными годами, т. е. 1245–1246 и 1249–1250. Если бы Мария родилась даже в первый год брака, т. е. в 1245 или 1246 г., то и в этом случае она едва ли могла бы вступить в супружество раньше 1260 или 1261 г. Правда, в старину вступали в брак весьма рано, но в данном случае следует иметь в виду, что Федор Ростиславич в 1278 г. выдал замуж уже вторую дочь от первого брака²³⁷.

Итак, приблизительно можно полагать, что Федор Ростиславич женился, а следовательно, и стал ярославским князем никак не раньше 1260 или 1261 г. Если принять этот год за год начала княжения Федора Ростиславича, то в таком случае уже при Федоре Ростиславиче последовало в 1262 г. изгнание бесерменских откупщиков (дани) из Ярославля, произошедшее в то же время и в других городах Суздальской земли, и был убит в том же году в Ярославле горожанами некто Зосима, из иноков ставший магометанином и, как это большей частью бывает с ренегатами, ярким хулителем и преследователем всего христианского²³⁸.

На страницах же летописей – и, конечно, уже как князь Ярославский – Федор Ростиславич появляется только с 1276 г. В этом году он присутствовал на похоронах князя Костромского и великого князя Владимирского Василия Ярославича²³⁹. В следующем, 1277 г., когда хан Мангу-Тимур собрался против непокорных ясов, в его походе принимали участие и некоторые русские князья, в том числе Федор Ростиславич. По летописному сказанию, они взяли и сожгли (в Южном Дагестане) город Деяков или Тетяков (по Никоновской летописи, 8 февраля), после чего хан, богато одарив князей, отпустил их с честью²⁴⁰.

Князья возвратились из Орды летом 1278 г. (по одним летописям – 13 июня, по другим – 12 июля). В том же году, в июле, Федор Ростиславич выдал вторую дочь за Михаила Глебовича, сына Глеба Васильковича, в то время князя Ростовского. Молодая чета венчана была в Ярославле ростовским епископом Игнатием. На свадьбе присутствовали многие князья и бояре, а также муж старшей дочери Федора Ростиславича Давид Константинович, князь Галицкий. Отец новобрачного, как сказано в летописи, «сотвори у себя пир велик в Ярославле и почти свата своего Федора Ростиславича Чернаго и княгиню его и з детми его и зятя его, Давыда Костянтиновича галицкаго и дмитровскаго, и бояр его и слуг его»²⁴¹.

Вскоре после свадьбы, а именно в начале октября, Федор Ростиславич вместе с молодым зятем отправился, неизвестно, по приказу хана или по собственному желанию, опять в Орду, чтобы принять участие в войне татар на этот раз в Болгарии «с одним славным бродягою, свинопасом, известным в греческих летописях под именем Лахана: сей человек приманил к себе многих людей, уверив их, что Небо послало его освободить отечество от ига монгольского; имел сперва удачу, и женился на вдовствующей супруге царя Болгарскаго, им злодейски умерщвленного; но был, наконец, разбит татарами и лишен жизни в стане Ногаевом»²⁴².

Поход был в 1278 г., а в следующем, 1279 г. в Ярославле скончалась бабка Марии Васильевны, Марина Олеговна²⁴³. О присутствии Федора Ростиславича в это время в Ярославле летописи ничего не говорят. Если верить последовательности в передаче фактов Никоновской летописью, он был в это время в Смоленске²⁴⁴.

Старший брат Федора Ростиславича Глеб Смоленский умер еще в 1277 г.; следующий брат, Михаил, – в 1279 г. В летописях сказано, что по смерти Михаила на Смоленском столе сел его брат Федор Ярославский, но последний факт приурочивается и к 1279, и к 1280 г.²⁴⁵

В 1281 г. Федор Ростиславич возвратился из Смоленска и действовал уже в пределах Суздальской области. Зимой этого года Андрей Александрович, находившийся во вражде со своим братом, великим князем Димитрием, вернулся из Орды, где выпросил себе великое кня-

жение; с ним прибыла татарская рать, во главе которой стояли Кавгадый и Алчедай. Дойдя до Мурома, Андрей послал за князьями Федором Ростиславичем, Михаилом Ивановичем Стародубским, Константином Борисовичем Ростовским и др.; объединившись с ними, он пошел к Переславлю: великий князь бежал, а татары начали опустошать Суздальскую землю²⁴⁶.

Вернувшись из Смоленска обратно в Ярославль, Федор Ростиславич оставил в родовой отчине наместника, о чем мы узнаем из дошедшего до нас, хотя и не подлинного, договора его с рижским епископом, мейстером и ратманами касательно свободной торговли между Смоленском и Ригой. В этой грамоте, написанной в 1284 г. «на Вознесенье» (Пасха была в том году 9 апреля), в частности, сказано: «А тоу был в Смоленьске на месте на тяжи на Федорово Андркй Михайлович князь Артемии наместьник» и пр.²⁴⁷

С 1281 по 1292 г. в летописях ни разу не встречается имя Федора Ростиславича. Кажется, именно к этому-то времени всего безошибочнее и можно приурочить большую часть фактов известного сказания о пребывании ярославского князя в Орде и женитьбе его на дочери хана²⁴⁸. Это сказание хоть и отзывается (свойственной времени написания Степенной книги) риторикой и некоторыми преувеличениями, но в основе своей, несомненно, достоверно.

По этому сказанию Ксения, жена Василия Всеволодовича, по совету князя Бориса и Глеба Васильковичей, отдала, как мы видели, дочь замуж за Федора Ростиславича Можайского: «и тако град Ярославль притяжа [Федор] в одержание». От брака с дочерью Василия Всеволодовича у Федора родился сын Михаил. По пленении же Руси татарами, говорится в сказании, князья должны были ездить в Орду для утверждения (волей хана) на своих княжениях. Так, однажды вместе с другими князьями отправился в Орду и Федор Ростиславич. От красоты его у царицы «уязвися сердце», и она не захотела опустить Федора обратно на Русь, а сам царь (хан) постоянно в течение трех лет держал его при себе. Наконец царица задумала выдать за него свою дочь, но Федор заявил, что у него уже есть в Ярославле законная жена, и начал проситься обратно на Русь то сам, то через вельмож. Просьбы Федора наконец были уважены царем, и он отпустил ярославского князя в его отчину. Прибыв в Ярославль, Федор Ростиславич узнал, что его жена умерла, а городом управляют сын и теща вместе с боярами. Федор хотел было войти в город, но теща и бояре его не пустили²⁴⁹ «и нелепая словеса глаголаше из града женским умышлением: мы такового обычая не имама, еже от и нуду пришедша прията; довлеет нам отечеству наследник князь наш Михаил, сын твой». Потерпев такую неудачу, ярославский князь вернулся в Орду и молил хана о возвращении наследия. Хан с угрозами отправил в Ярославль посла, но ярославцы и слушать его не хотели. В то же время царица, супруга хана, не переставала внушать мужу мысль выдать их дочь за Федора. «Может ли быть, – отвечал хан, – чтобы мы отдали нашу дочь за нашего улусника и служебника, тем более что он не одной с нами веры?» Однако женская настойчивость взяла верх, и брак, разрешенный самим патриархом, состоялся; невеста в крещении получила имя Анна. Царь приказал через послание всем своим улусникам и вельможам приносить почетные дары зятю и его супруге, отдал Федору Ростиславичу во владение 36 городов, в числе которых были Чернигов, Болгары и др., а также и неизвестные нам Гормир, Бальматы, и, наконец, дал новобрачным в услужение русских князей и бояр. Сам хан держал зятя в большой чести: надевал на его голову царский венец и приказал построить для него палаты. Во время пребывания в Орде у Федора Ростиславича от брака с ханской дочерью родилось два сына: Давид и Константин. Наконец, когда до царского зятя дошло известие, что сын его от первого брака умер, Федор Ростиславич упросил тестя отпустить его в Ярославль. Просьба ярославского князя была исполнена ханом, который отправил с зятем отряд татар, дабы отомстить в Ярославле, кому следует, за оскорбления, причиненные его зятю.

Таким образом, как мы сейчас увидим, приезд Федора Ростиславича из Орды в Ярославль должен был произойти в период между 1289 и 1291 или 1292 гг.

Год смерти сына Федора, Михаила, неизвестен, но, если принять во внимание уединенно стоящее известие Троицкой летописи (которое приводится ниже), можно сделать вывод, что Михаил скончался или в конце 1287-го, или в 1288 г. В Троицкую летопись под 1288 г. занесено следующее: «Седе Андрей Александрович на Ярославле, а Олександр Федорович (?) на Угличеполе»²⁵⁰. Федор Ростиславич был еще в это время в Орде, о чем мы говорили выше. Затем до 1293 г. в летописях не встречается известий об Андрее Александровиче. Но под 1293 г. говорится о возвращении Андрея из Орды вместе с Федором Ростиславичем и другими князьями. Поездка в Орду была предпринята Андреем по причине козней, которые он плел еще в предыдущем году в Суздальской области против старшего брата. На эти козни, на привлечение князей на свою сторону, на поездку в Орду и возвращение оттуда требовалось, разумеется, немало времени, так что очевидно, что Федор Ростиславич должен был занять Ярославль гораздо раньше 1293-го, даже 1292 г., возможно, он занял его где-то в конце 1289-го или в 1290 г.

В 1292 г. Андрей Александрович, настойчиво преследуя свою цель – занять под своим братом Дмитрием великокняжеский стол, сумел привлечь на свою сторону братьев Борисовичей: Дмитрия Ростовского и Константина Углицкого, а также других князей, в том числе и Федора Ростиславича Ярославского. Князья сумели очернить Дмитрия перед ханом, и тот дал им на помощь в борьбе с Дмитрием татарские полчища во главе с Дюденем.

Против князей, объединившихся с татарами, Дмитрий, конечно, не мог устоять, а потому через Волок бежал в Псков. Тем временем татары начали опустошать города и селения, не только которые принадлежали Дмитрию, но даже принадлежащие князьям, бывшим в союзе с Андреем. По уходе татар Андрей ушел в 1293 г. в Новгород. Федор Ростиславич, как главный после Андрея участник борьбы с Дмитрием, получил Переславль-Залесский. Вскоре, впрочем, при посредстве тверского князя и тамошнего владыки враждующие братья примирились: Дмитрий, уступив младшему брату великокняжеский стол, хотел удовольствоваться Переславлем, который поэтому должен был быть оставлен ярославским князем. Вероятно, в досаде на такой оборот Федор Ростиславич, покидая Переславль, предал его огню²⁵¹.

Андрей Александрович не успокоился, однако, и после смерти Дмитрия (1294 г.): он имел, похоже, виды и на Переславль. Как бы то ни было, но в 1296 г. «бысть нелюбие меж князей русских»; они разделились на два лагеря: в одном был великий князь Андрей Александрович с Федором Ростиславичем Ярославским и Константином Борисовичем Ростовским, в другом – Даниил Александрович Московский, Михаил Ярославич Тверской и Иван Дмитриевич Переславский, племянник Андрея. Дело дошло до того, что в распрю вступился сам хан, который послал во Владимир посла – разобрать споры князей. На Владимирском съезде князья разгорячились до того, что взялись было за мечи, и только благодаря посредничеству владимирского владыки Симеона и сарского Измаила не дошло до кровопролития. Умиротворенные, хотя и временно, благодаря посредничеству владык, князья разъехались по своим отчинам²⁵².

Выше уже говорилось, что Федор Ростиславич после смерти последнего из старших братьев, Михаила (1279 г.), вступил во владение Смоленском. Но в 1281 г. Федор, как мы видели, был уже на Суздальской земле, оставив в Смоленске наместника. Не знаем, откуда почерпнули наши историки известие, что в 1285 г. Федор Ростиславич уступил или должен был уступить Смоленск своему племяннику Александру Глебовичу²⁵³; знаем только летописные известия, что в 1297 г. Александр Глебович «взя лестью княжение Смоленское под отцем своим»²⁵⁴. Федор Ростиславич вооружился на племянника и в 1298 г. подступил к Смоленску: в течение многих дней происходили стычки под стенами города; ярославский князь не смог взять Смоленск, который был хорошо укреплен, и возвратился в Ярославль²⁵⁵.

В следующем, 1299 г. 19 сентября Федор Ростиславич, чувствуя приближение смерти, постригся и в ночь на 20 сентября, облекшись в схиму, скончался²⁵⁶.

Федор Ростиславич был женат дважды: на Марии Васильевне, с рукою которой он получил Ярославль, и на дочери хана, нареченной в крещении Анной²⁵⁷. От первого брака он имел сына Михаила и двух неизвестных нам по именам дочерей, старшая была за князем Галицким Давидом Константиновичем, а младшая – за Михаилом Глебовичем, князем Белозерским; от второго же брака у него осталось только два сына: Давид и Константин, по прозвищу Улемец.

Давид и Константин Федоровичи 1289 – ум. в 1321 г

От первого брака у Федора Ростиславича, как известно, был сын Михаил, от имени которого во время пребывания Федора в Орде управляли бабка Михаила Ксения и бояре, которые, именем того же Михаила, не признали своим князем Федора Ростиславича, когда тот вернулся в Ярославль из Орды. Время для Ярославля, очевидно, было смутное, тем не менее и в это смутное время ярославским князем, по крайней мере *de jure*, должен считаться все-таки Федор Ростиславич.

Однако нельзя обойти молчанием и Михаила Федоровича, хотя бы он был выдвинут честолюбием или властолюбием своей бабки: так или иначе он все-таки является до некоторой степени действующим лицом в истории княжения своего отца. Но что известно о Михаиле? Летописных указаний о нем не дошло, и мы знаем его только по сказанию или повести о житии Федора, его отца, находящейся в Степенной книге. Долго ли он был или, лучше сказать, считался ярославским князем? Когда он умер? Ответов на эти вопросы мы не находим ни в летописях, ни в родословных, а потому нам остаются одни предположения, которые мало помогают делу. Впрочем, в данном случае у нас может быть только одно предположение, опирающееся на известие Троицкой²⁵⁸ летописи под 1288 г. (оно уже было приведено выше), из которого можно заключить, что Михаил Федорович жил не дольше 1288 г. Таким образом, следующим за Федором Ростиславичем действительным владетельным ярославским князем следует считать его сына Давида.

О Давиде Федоровиче мы знаем чрезвычайно мало, так как летописные известия о нем ограничиваются только указанием года его смерти: зимой 1321 г.²⁵⁹

Неизвестно также, на ком он был женат, так как об этом не говорят ни летописи, ни родословные. После Давида Федоровича осталось два сына: Василий, по прозвищу Грозный (по другим родословным – например, «Временника» – Грозные Очи), и Михаил, первый князь Моложский.

Что касается брата Давида, Константина Федоровича, то о его существовании мы знаем только из преданий и житий, составленных в позднейшее время. Владел ли он отдельно Ярославлем, или совместно с братом сидел на Ярославском престоле, был ли женат, имел ли детей, когда, наконец, умер, – никаких сведений до нас не дошло.

Василий Давидович Грозный 1321 – ум. в 1345 г

Василий Давидович жил в то переходное, тяжелое время, когда Москва, как теперь кажется, тихо и почти незаметно, а на самом деле весьма энергично и сознательно стремилась к материальному усилению за счет соседей; когда она, так сказать, начала вливаться в раздробленные и потому сравнительно маленькие организмы удельных княжеств²⁶⁰. Грубая по теперешним понятиям, но по тогдашним – верх дипломатического искусства, политика московских

князей стремилась к определенной цели, и ради ее никого и ничего не щадила. Нужно было, чтобы в Северо-Восточной Руси был один хозяин – все равно: для борьбы ли с татарами, со своим ли братом, наконец, с Литвой – в любом случае было необходимо, чтобы силы не были раздроблены. Стоял вопрос не только об уничтожении татарского ига, но и о том, кому господствовать в Восточной Европе – Литве (одной или совместно с Польшей) или Руси. Московские князья раньше других поняли это и начали неуклонно и сознательно стремиться к собиранию Руси воедино, всеми средствами присоединять к Москве мелкие русские княжества.

Василию Давидовичу на первых же порах его княжения пришлось испытать на себе тяжелую руку московского князя.

В первый раз имя Василия Давидовича появляется на страницах летописей под 1339 г. Но одно событие, касающееся Ярославля, произошло раньше указанного года, уже при Василии Давидовиче, который, впрочем, не упомянут летописцами при передаче этого факта. Именно: в 1322 г. Иван Данилович Калита, который тогда боролся с князем Тверским, пришел из Орды с послом Ахмылом, который «много сотвори пакости по Низовской земли», в частности, взял Ярославль и ушел в Орду с большим полоном²⁶¹.

Иван Данилович, настойчиво преследуя свою цель в отношении удельных князей – держать их в своих руках, – особенно стремился сломить князя Тверского, как единственного серьезного соперника Москвы. В 1339 г. он отправился в Орду со старшими сыновьями, чтобы задобрить хана и при его помощи смирить непокорных князей. «По думе» Калиты в Орду позваны были Александр Михайлович Тверской и Василий Давидович Ярославский, зять Калиты.

Когда упомянутые князья, к которым примкнул и князь Романчук Белозерский (Роман Михайлович), отправились на призыв хана, Иван Данилович выслал отряд в 500 человек, чтобы перехватить Василия Давидовича; но тот отбил от отряда и благополучно прибыл в Орду. Что же мог означать этот поступок Калиты? Хотел ли он на этот раз смирить только ярославского князя? Кажется, что одинаковое отношение московского князя к тверскому и ярославскому тесно соединило последних; и в данном случае не опасался ли Калита, что совместные и одновременные действия обоих князей в Орде приведут к нежелательному для него обороту дела? Это предположение кажется нам единственным, близким к истине²⁶².

В 1340 г. умер Иван Данилович Калита, и князья Северо-Восточной Руси отправились в Орду, чтобы выслушать волю хана относительно замещения великокняжеского стола²⁶³. В летописях есть указания, что, кроме старшего сына Калиты Семена, были и другие претенденты на великокняжеский стол. По смерти Калиты, по известию летописи, «сопрошася князи русстии о великом княжении», именно: Константин Михайлович Тверской, Василий Давидович Ярославский и Константин Васильевич Суздальский, которые, по словам летописцев, и «поидоста о великом княжении во орду»²⁶⁴.

Впрочем, все старания названных князей не увенчались успехом, так как Калита уже подготовил твердую почву в Орде для своих преемников, и Семен по воле ханской был объявлен великим князем. В том же 1340 г. у Семена Ивановича, вследствие несправедливых действий его же чиновников в Торжке при сборе дани, вышел раздор с Новгородом, так что великий князь вынужден был прибегнуть к оружию, и все три князя, его соперники: два Константина, Суздальский и Тверской, и Василий Давидович Ярославский – должны были принять с ним участие в этом походе²⁶⁵.

О дальнейшей деятельности князя Василия Давидовича летописи умалчивают, отмечая только год его смерти, последовавшей зимой 1345 г.²⁶⁶

По некоторым известиям, Василий Давидович был женат на дочери князя Московского Ивана Даниловича Калиты Евдокии (умер в 1342 г.), от брака с которой имел сыновей Василия, Глеба и Романа²⁶⁷.

Василий Васильевич 1339–1380

По смерти Василия Давидовича в Ярославле сел его старший сын Василий. Летописные известия об этом князе весьма скудны²⁶⁸: так, есть известия, что в 1364 г. Ростовскую землю, а следовательно, и Ярославль посетила так называемая черная смерть, а в 1372 г. Ярославль взят был новгородцами (вероятно, новгородской вольницей²⁶⁹). Занося эти сведения на страницы летописей, бытописатели ничего, однако, не говорят о самом князе Ярославском.

Борьба между Москвой и Тверью, начавшаяся еще при внуках Невского, продолжалась и при праправнуках его. В 1375 г. великий князь Московский Дмитрий Иванович предпринял поход на Тверь, под его знаменами собрались все удельные князья, в их числе и Василий Васильевич Ярославский с братом Романом²⁷⁰. У наших историков были под руками источники, по которым Василий Васильевич участвовал и в 1380 г. в знаменитой Куликовской битве, действуя на левом крыле²⁷¹.

Неизвестно, когда умер Василий Васильевич, неизвестно, на ком он был женат. После него остались сыновья Иван и Федор – князья Ярославские, Семен и Дмитрий, из которых первый начал собой ряд удельных князей Новленских, а второй – Заозерских, и Иван-Воин, называемый в родословных князем Ярославским.

Глеб и Роман Васильевичи 1340–1380

До нас не дошло известий о времени кончины Василия Васильевича и его братьев Глеба и Романа; не знаем даже, кто из них умер последним. Таким образом, сам собой является вопрос: кто же был непосредственным преемником Василия, кто после него занимал Ярославский стол? Старший сын Иван или кто-то из его братьев? Неизвестно, а потому мы и сообщим о последних все, что до нас дошло.

Глеб Васильевич известен только по родословным, из которых видно, что от брака с неизвестной он имел трех сыновей, князей Ярославских: Ивана, Федора и Константина, по прозванию Шах, родоначальника князей Шаховских²⁷².

О Романа Васильевиче знаем несколько больше. В летописях о нем сохранилось два известия: что он вместе со старшим братом участвовал в походе великого князя Дмитрия Ивановича на Тверь в 1375 г.²⁷³, а в 1380 г. бился с татарами на Куликовом поле, кажется, вместе с младшим из своих сыновей Андреем²⁷⁴.

По родословным, у Романа Васильевича были сыновья: Иван (по прозванию Неблагословенный Свистун), Дмитрий²⁷⁵, Василий, Даниил, Илья и Андрей; все они в родословных названы князьями Ярославскими.

Владели ли какими-нибудь уделами Глеб и Роман в то время, когда старший брат их сидел в Ярославле? Относительно этого имеются некоторые указания. По родословным, Роман «поставил город Романов во имя свое». Таким образом, можно почти наверняка утверждать, что Роман получил в удел земли вверх по Волге по направлению к Шексне, а также и на самой Шексне. Заключить это можно из того, что его внук Афанасий-Андрей Иванович от своего удела на Шексне получил и прозвище Шехонский; наконец, потомки Романа владели и Кубеной; впрочем, неизвестно, самому ли Роману она досталась при наделе его или же приобретена впоследствии, например, посредством какого-нибудь брака, как посредством брака она отошла потом от князей Деевых к князьям Заозерским. Надо полагать, что упомянутые князья Деевы имели удел неподалеку от Ярославля, где и в настоящее время есть село Диевы Горо-

дищи, бывшее, по преданию, центром удела названных князей²⁷⁶. Если, таким образом, принять за данность, что младший из братьев владел уделом, само собой разумеется, что и средний из братьев, Глеб, должен был получить во владение какие-то земли. Так, по некоторым указаниям, удел Глеба был также на Шексне. Кроме того, в Даниловском уезде и теперь еще есть село Шахово, которое прямо указывает названием на князей Шаховских, происходящих от Глеба Васильевича²⁷⁷. Имея свои уделы или наделы, оба брата тем не менее именовались князьями Ярославскими, а не по названиям своих уделов. Но значит ли это, что они в собственном смысле были ярославскими князьями, т. е. были владетельными князьями Ярославля? Нет, так как известно, что весьма многие из князей, именованных Ярославскими, никогда не занимали Ярославского стола, а назывались так только потому, что или не имели в своих уделах более-менее порядочных центров, по которым могли бы называться, или же по другим каким-то причинам оставались с родовым княжеским прозвищем.

Впрочем, несмотря на то что Глеб и Роман имели свои наделы, оба князя имели полную возможность быть на Ярославском столе по смерти старшего брата: это был бы естественный порядок наследования старшего стола в старшей линии потомков Всеволода.

Таким образом, вопрос о том, кто после Василия Васильевича владел Ярославским княжением, зависит от решения другого вопроса: кто из братьев пережил Василия Васильевича? Но так как для решения этого вопроса нет данных, мы вынуждены оставить его открытым.

Иван Васильевич 1373 – ум. в 1426 г

Этот ярославский князь появляется на страницах летописей с 1410 г. В это время Даниил и Иван Борисовичи Нижегородские напрягали все силы, чтобы добиться своей отчины Нижнего Новгорода. В борьбе с великим князем Московским, которая была этим князьям не под силу, они обращались то к татарам, то к другим инородцам: так, в 1410 г. Даниил Борисович и его брат явились в Нижегородскую область с князьями Болгарскими, Жукотинскими и Мордовскими. Великий князь Василий Димитриевич выслал против них своего брата Петра, с которым были князья Ярославские, Ростовские и Суздальские. Сеча была злая, по замечанию летописца, а Борисовичи «сташа на костех»²⁷⁸.

В следующем, 1411 г. 17 января Иван Васильевич справил свадьбу дочери Марии, выданной им замуж за князя Александра Федоровича Микулинского²⁷⁹, а в 1412 г. ярославский князь был в Орде.

В начале XV в. в Орде произошли важные перемены. Булат был свергнут Темиром, который, прогнав Едигея, державшего в своих руках предшествующих ханов, к Черному морю, в свою очередь вынужден был уступить власть сыну Тахтамышу Зелени-Салтану, другу Витовта, врага великого князя Московского и друга исконного соперника московского властителя, князя Тверского.

Великий князь Василий Димитриевич, около двадцати лет уже не бывавший в Орде и отказывавший татарам даже в дани, проведав о намерении тверского князя ехать в Орду, решил в 1412 г. лично отправиться на поклон к хану с целью, конечно, заручиться его расположением к себе и устранить возможные наветы своих врагов²⁸⁰. В этой поездке московскому князю сопутствовал среди прочих и ярославский князь Иван Васильевич.

После известия об этой поездке Ивана Васильевича в Орду имя его не встречается на страницах летописей в течение целых 12 лет. Только за два последних года жизни Ивана Васильевича он два раза отмечен отечественными летописцами, в первый раз в 1425 г. В этом году против только что занявшего великокняжеский Московский стол Василия Васильевича выступил, как известно, его дядя, Юрий Димитриевич Галицкий. Митрополиту Фотию выпал жре-

бий примирить дядю с племянником и склонить первого не к перемирию, а к вечному миру. Отправившись с этой целью в Галич, митрополит 23 июня прибыл в Ярославль и здесь ужинал у князя Ивана Васильевича вместе с его родичами. Ярославские князья упрашивали владыку отслушать у них на следующий день (Рождество Иоанна Предтечи) литургию, но митрополит, вероятно торопясь скорее выполнить возложенное на него поручение, немедленно отправился в Галич²⁸¹. Во второй раз имя Ивана Васильевича занесено в летописи в 1426 г., когда на Руси, не в первый уже раз, появилась черная смерть. Хотя в летописях и не сказано, что Иван Васильевич умер именно от этой болезни, но едва ли можно сомневаться, что именно она была причиной его смерти²⁸².

От брака с неизвестной²⁸³ Иван Васильевич имел сыновей Романа, Александра, Василия, Якова-Воина, Семена и дочь Марию, бывшую замужем за князем Александром Федоровичем Микулинским²⁸⁴.

Федор Васильевич XIV–XV вв

После Ивана Васильевича Ярославским княжеством владел следующий за ним брат, Федор Васильевич.

Этот князь известен нам только по родословным, из которых видно, что от брака с неизвестной он имел единственного сына Александра, по прозвищу Брюхатый, бывшего последним владетельным князем Ярославским²⁸⁵.

Александр Федорович Брюхатый 1420 – ум. в 1471 г

В первый раз мы встречаем имя Александра Федоровича на страницах летописей под 1436 г. В это время шла упорная борьба между великим князем Василием Васильевичем и его двоюродным братом Василием Юрьевичем Косым, князем Галицким. Еще раньше, в 1433 г., Василий Косой и его брат Димитрий Шемяка, оскорбленные на свадебном пиру великого князя Василия, мать которого Софья Витовтовна сорвала с Косого драгоценный пояс, бежали из Москвы в Галич и по пути зашли в Ярославль, разграбили город и похитили также «казны всех князей» (ярославских)²⁸⁶. Кто в это время был князем в Ярославле – Федор ли Васильевич, или же его сын Александр, – неизвестно²⁸⁷. Впрочем, через два года после описанного события в Ярославле уже сидел Александр Федорович.

Потерпев в 1435 г. поражение под Ярославлем²⁸⁸, Василий Косой бежал в Кашин, оттуда – в Вологду и, наконец, в Кострому, где начал собирать войска, послав, в частности, и за вятичами, которые вскоре и явились на его зов. Тем временем великий князь также выступил в поход против Косого. Василий Юрьевич, готовясь к битве, послал на судах к Ярославлю отряд вятичей числом 400 человек. Предупрежденный об этом движении врагов, Александр Федорович, следуя приказанию великого князя, встал на судах с ярославцами и угличанами числом 7000 человек у Ярославля, в устье Которосли. Вятичи, доплыв до устья Туношпы (в 20 верстах от Ярославля), не решились идти дальше, вероятно узнав, что невдалеке стоит сильный противник. Оставив суда у Туношпы, они пешком отправились на соединение с князем Галицким, но, узнав по пути от бежавших с поля боя, что галицкие полки разбиты, а сам князь Василий Косой взят в плен, пустились в обратный путь вниз по Которосли. Встретив по дороге монаха, плывшего вверх по реке, вятичи спросили его, где стоит князь Александр; монах, думая, что это княжьи люди, указал место стоянки ярославского князя. Тогда вятичи решились на отчаянное предприятие: схватить князя Александра Федоровича врасплох во время сна, чему немало

способствовало туманное утро. Сорок смельчаков незаметно пробрались к княжескому шатру, схватили князя и княгиню и на княжеских же судах стали переправляться на противоположный берег Волги.

Воины князя Александра, пробудившись, в беспорядке бросились к оружию, хватили копья, луки и стрелы и метали их в удалявшихся вятичей. Те, подняв топоры и копья над головами пленников, угрожали, что, если хоть одна стрела будет пущена ярославцами, князь и княгиня будут убиты. Переправившись на другой берег, вятичи согласились на выкуп в 400 рублей; но, получив его, не освободили пленников, а увезли их в Вятку. В мае того же года великий князь Василий Васильевич, узнав о вероломном поступке союзников Косого, приказал его ослепить. Тем временем вятичи, видя по последующим событиям, что сила остается на стороне великого князя и что им бесполезно и опасно держать у себя пленников, отпустили их домой²⁸⁹.

В 1463 г. случилось два важных события, касающихся исключительно Ярославля: во-первых, обретены мощи предков Александра Федоровича, Федора Ростиславича Черного и его детей, Давида и Константина²⁹⁰; во-вторых, благодаря хлопотам великокняжеского дьяка Алексея Полуехтова ярославские князья уступили вотчины свои, конечно, за соответствующее вознаграждение, великому князю²⁹¹.

Александр Федорович скончался в Ярославле 17 апреля 1471 г. и погребен в Спасо-Преображенском монастыре²⁹². От брака с неизвестной он имел сына Даниила, по прозвищу Пенко, бывшего уже московским боярином. Он был родоначальником угасшего рода князей Пенковых.

Остается сделать общее замечание относительно прочих князей Ярославских, не занимавших Ярославского стола, но и не носивших прозвищ по своим уделам.

Ярославское княжение начало дробиться с детей Давида Федоровича. Давид Федорович, как мы видели, имел двух сыновей, из которых Василий Грозный (или Грозные Очи), как старший, занял Ярославль, а младший, Михаил Давидович, получил в удел Моложскую область. Ярославль до конца своего самостоятельного существования оставался у потомства старшего из братьев – Василия, а Молога – у потомства младшего, Михаила. Таким образом, из прежде единого Ярославского княжества образовалось как бы два центра, из которых, в свою очередь, выделились более мелкие самостоятельные единицы. С образованием мелких уделов князь Ярославля, как главного центра относительно других князей, стал называться великим: уже Василий Давидович называется великим князем Ярославским²⁹³. Василий Давидович занимал главный стол до своей смерти, т. е. до 1345 г.; затем Ярославский стол был занят его старшим сыном Василием, у которого было два брата – Глеб и Роман. Несомненно, они имели также наделы, но по неизвестным причинам не приняли прозвищ по своим уделам, почему и считаются князьями Ярославскими. Как уже было отмечено, год смерти старшего из сыновей Василия Грозного, Василия Васильевича, неизвестен, как неизвестны и годы кончины его братьев, а потому нельзя с достоверностью сказать, кто после Василия Васильевича занимал главный стол Ярославского княжества: его сын Иван-большой Васильевич или кто-то из его братьев. Кажется, можно утверждать, что Глеб умер раньше обоих братьев, поскольку он не упоминается в числе князей, принимавших участие в походе на Тверь (1375 г.) и в Куликовской битве (1380 г.), между тем как старший и младший братья участвовали в этих походах. Если Роман и занимал Ярославский стол (чего, впрочем, ниоткуда не видно), то после него в Ярославле точно сидел сын Василия Васильевича Иван-большой, княживший до 1426 г. Затем в 10-летний промежуток до 1436 г. летописцы ничего не говорят о ярославском князе. Можно, однако, считать достоверным, что в указанный промежуток времени в Ярославле сидел Федор Васильевич, братья которого уже имели собственные уделы. Доказательством может

А. В. Экземплярский. «Владельцы князя Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владельцы князя Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. Великие и удельные князя Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.»

служить жалованная (на земли) грамота (9 августа 1497 г.) внука Федора Даниила Александровича Пенка – Спасо-каменному монастырю²⁹⁴

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.